

ДАНИЭЛЬ ЭЕА РЭЙ

ПОЛУКРОВКА

ЕЁ ЦЕЛЬ — ОТМЩЕНИЕ, ЕГО ЦЕЛЬ — ОНА.

LIMITED COLLECTION

18+

Олманцы

Даниэль Зеа Рэй

Полукровка

«Автор»

2019

Даниэль Зеа Рэй

Полукровка / Даниэль Зеа Рэй — «Автор», 2019 — (Олманцы)

ISBN 978-5-532-93779-6

Наследнице маленькой Олманской империи Совет Всевидящих приказал выйти замуж на наследника Великой Доннарской империи. Но вместо жениха на свадьбу прибыли делегаты и отложили брачный союз на семь лет. Она стерпела оскорбление и с достоинством приняла их волю. Семь лет прошли, и Он явился за ней. Она готова к встрече. Готов ли Он? Война, заговоры, предательства. Что еще нужно преодолеть на пути к своему счастью? И чем придется пожертвовать, чтобы добиться своей цели? Первая книга цикла "Олманцы". Роман можно читать отдельно.

ISBN 978-5-532-93779-6

© Даниэль Зеа Рэй, 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Даниэль Зеа Рэй

Полукровка

Пролог

Этот день должен был стать самым счастливым в ее жизни. День ее свадьбы. Невесту ненадолго оставили одну в комнате, предоставив возможность привести мысли и чувства в порядок. Прекрасное белое платье, расшитое золотом, было совершенно необычным для нее. Незамужним женщинам ее родной планеты не позволялось выставлять плечи напоказ. И пусть их скрывала фата, она все равно чувствовала себя немного обнаженной. Такова воля родителей жениха: никаких национальных нарядов. Невеста должна предстать перед делегацией в классическом подвенечном платье, которое предпочитают жители большинства галактик.

– Прекрасно выглядишь, сестренка!

– Стефан?! – Она обернулась и почувствовала облегчение, увидев брата.

– Теряешь сноровку. Я только что свободно вошел в дверь.

– Все уже собрались?

– Да. – Он остановился за ее спиной и опустил руки на обнаженные плечи. – Ждут только тебя и делегацию во главе с женихом.

– Его все еще нет?

– Они связались с нами и попросили ожидать их в церемониальном зале. – Стефан погладил ее по плечам и отошел в сторону.

Она взглянула на отражение в зеркале.

– Как думаешь, он красивый?

– Говорят, что наследник трона Доннары весьма недурен собой. И вдобавок, ему всего двадцать один. Ты же знаешь, что мужчины созревают к двадцати пяти.

– А женщины – к двадцати, – с горечью ответила сестра.

Стефан снова подошел и обнял ее за плечи.

– В твои шестнадцать тебе уже нет равных среди подданных Олмании. Что же будет к двадцати? Кроме того, вы наречены друг другу Советом Всевидящих. За четыреста лет они ни разу не ошиблись в своих предсказаниях.

– Я слишком молода для него. У них не принято жениться так рано.

– Ну и что? Если он тебя полюбит, какая будет разница?

– Я не привыкла полагаться на удачу, Стефан, но сейчас почему-то верю в то, что ты говоришь.

В дверь постучали:

– Пора, госпожа.

Она сорвалась с места. Стефан успел схватить ее за руку перед самой дверью.

– Сестренка, подожди! Я хотел сказать тебе пару слов.

– Конечно, Стефан.

– Сегодня ответственность за тебя возьмет на себя твой муж. Я понимаю, что брак для их культуры дело куда менее значимое. Но он наследник, и понятия чести и долга ему не чужды. Поэтому я с легким сердцем вверяю тебя ему. Слушайся мужа, почитай и уважай, как своего брата и дядю. Я люблю тебя.

– И я люблю тебя, Стефан. – Она обняла брата и поцеловала в щеку.

– А теперь пойдем.

Он взял ее под руку и повел по многочисленным коридорам их резиденции. Вокруг в проходах толпились служащие, припадающие к полу перед юной парой наследников трона.

Они вошли в церемониальный зал с гордо поднятыми головами. В конце длинного прохода из верноподданных их ждали дядя и самые близкие люди. Толпа склонилась в знак уважения. Невеста искренне надеялась увидеть среди них жениха, но его все еще не было.

– Девочка моя, своей красотой ты затмишь любую деву Доннары и Олмании!

– Спасибо, дядя. – Она слегка склонила голову в знак уважения.

Стефан стоял молча, оглядывая родственников, которые явно не испытывали восторга от происходящего.

В двери показался глашатай и объявил о прибытии делегации Доннары во главе с первым советником. Все обратили взоры к дверям, в которые вошли шестеро человек в черных облегающих костюмах, причем далеко не парадных.

Это походило на явное оскорбление, но в этот момент всех интересовало только одно: среди вошедших не было юноши двадцати одного года и никого, даже отдаленно похожего на него. Все шестеро были мужчинами преклонного возраста с длинными золотистыми волосами, собранными в тугие жгуты на затылках. Делегация проследовала по живому коридору в абсолютной тишине и остановилась перед невестой, едва преклонив головы. Уже второе по счету оскорбление было записано на их счет.

– Мы рады приветствовать вас от лица императора и его наследника.

Она молчала. Только слегка повела головой. Этот жест шестнадцатилетней хрупкой девочки весьма удивил советника. Очевидно, она действительно верила в свою значимость.

– К сожалению, ввиду непредвиденных обстоятельств, о которых мне не велено докладывать, наследник не сможет присутствовать на церемонии.

Шепот пронесся по залу и тут же стих.

– Однако, признавая необходимость данного брака перед Советом Всевидящих, жених уже подписал все необходимые документы для заключения этого союза. Вам необходимо лишь расписаться в подтверждение вашего намерения стать его супругой.

Возможно ли понять чувства молодой девушки, мечты и надежды которой разбились вдребезги в один миг? И этот миг пришелся на день ее свадьбы? Вряд ли кто-то из присутствующих хотел бы оказаться на ее месте сейчас. Вряд ли вообще кто-то захотел бы пройти через это вместо нее. Но наследнице нельзя демонстрировать эмоции на людях. Нельзя развернуться и послать все в преисподнюю, ведь за плечами империя, а престиж империи – превыше всего.

– Что это за непредвиденные обстоятельства, которые не позволили моему жениху прийти на собственную свадьбу? – пытаюсь сохранять спокойствие, спросила она.

– К сожалению, у нас нет полномочий упоминать об этом. Есть еще одно условие, которое Доннара выдвигает в связи с этим навязанным браком.

«Навязанным»... Можно подумать, что только их стороне его навязали...

– Какое же? – с легкой иронией вымолвила невеста.

– Ввиду вашей юности и определенных традиций народа Доннары, соглашение о браке вступит в силу в этот же день через семь лет, когда его светлость наследник Доннары прибудет сюда за вами.

– Подразумевает ли это, что я все семь лет буду свободна от всяких обязательств по отношению к своему так называемому «мужу»?

– Безусловно. После подписания необходимых документов вы станете верноподданной Доннарской империи, которая возьмет вас под свою опеку и защиту. Однако все эти семь лет вы будете находиться в статусе не жены наследника, а его нареченной.

– Могу я ознакомиться с бумагами?

– Конечно.

Советник протянул ей планшет, где весьма коротко было указано все то, что он только что огласил вслух. Она пробежала взглядом по документу, который был подписан свидетелями и ее женихом.

– Мы будем оспаривать ваши намерения в Совете Всевидящих, – безапелляционно заявил дядя.

– Это ваше право. Однако, принимая во внимание, что влияние Доннарской империи в Межгалактическом Совете несравнимо большее, нежели скромной Олманской, результат можно предугадать заранее. Мы не противимся решению Совета Всевидящих. Мы лишь соблюдаем традиции своего народа.

– Хватит! – Одним движением пальца она заставила всех замолчать. – Я принимаю условия Доннарской империи. В случае, если через семь лет за мной не прибудет его светлость, условия соглашения будут считаться невыполненными по вине Доннары, в результате чего вся ответственность за содеянное перед Советом Всевидящих понесет ваша сторона.

– Безусловно, – кивнул советник.

Через пять минут делегация вышла в те же двери, что и вошла. Вслед за этими людьми в дорожных черных костюмах ушло детство шестнадцатилетней девочки, стоящей в подвенечном платье в огромном зале, наполненном свидетелями ее унижения...

Глава 1

...Прошло семь лет

В честь прибытия делегации из Доннарской империи во главе с наследником трона и его сестрой, в церемониальном зале накрыли праздничные столы. Это было требование нареченной, которая в этот день приобретала статус жены.

В центре огромного стола сидело трое молодых людей, облаченных в строгие национальные доннарийские костюмы: белые узкие штаны из плотной хлопчатобумажной ткани и такие же белоснежные, до середины колена, камзолы. Расшитые золотом, с воротником-стойкой и блестящими пуговицами.

Самый старший сидел посередине. С первого взгляда внимание привлекал необычный цвет его волос. Пепельно-серые длинные пряди были уложены от макушки в толстую косу, которая заканчивалась чуть ниже лопаток. Черные как смоль брови и такие же ресницы контрастировали с бледным оттенком кожи. Глаза цвета пасмурного неба свели с ума не одну женщину, однако не было в них ни пресыщенности, ни надменности, только усталость и какая-то неизбежность. Бледно-розовые губы изогнулись в легкой улыбке. Ему было трудно, так же как и ей семь лет назад. И, наверное, только сейчас он в полной мере начинал осознавать, что именно когда-то натворил.

Рядом с ним сидела девушка двадцати двух лет – его сестра. Ее золотистые локоны свободно обрамляли лицо и ниспадали на плечи. Родство выдавали глаза того же оттенка, что и у брата. Однако больше ничего общего в чертах их лиц не было. Брови и ресницы девушки были светлыми от природы, а губы, исходя из эталонов красоты ее планеты, слишком тонкими. Косметика скрывала оба эти недостатка, и юная особа, которая и без макияжа пудрила мужчинам головы, выглядела совершенно неотразимой.

Справа от наследника восседал его кузен. Такие же, как и у кузины, золотистые волосы были уложены в толстую косу. Светлые густые брови и ресницы только подчеркивали шоколадный оттенок его карих глаз.

В зале было шумно, и, казалось, происходящее всех приводит в легкое недоумение.

– Мне интересно, – тихо прошептал наследник, – объявятся здесь сегодня Науб со своим племянником и моей женой, или они решили сразу же отправить ее на мой корабль, чтобы прилюдно не шокировать?

– Сомневаюсь, что она такая уж страшненькая, как описывал ее советник, – успокоила его сестра. – Стефан очень привлекательный молодой человек. Вряд ли его сестра-близнец ничего путного не унаследовала от их общих родителей.

– Не забывай, сестренка, что Стефан – медиум, а она, насколько я слышал, нет. Важное различие для близнецов. Кроме того, за последние семь лет никто ни разу не видел ее, что весьма настораживает.

– Да ладно тебе, – засмеялась девушка. – Ты же знаешь, что Стефана в последнее время везде сопровождает загадочная любовница. Где уж тут сестре крутиться рядом с ним?

– Я тоже слышал про любовницу, – вступил в разговор третий собеседник. – Вроде бы она – полукровка. Представляешь себе смесь олманской крови с навернийской?

– Почему именно полукровка? Может, она из малочисленных рас?

– Не смейся, Урджин. Олманцы, как и мы, доннарийцы, все блондины. Глаза у них – такой же признак принадлежности к расе: ярко-синие и светятся. А у этой девицы, говорят, и глаза синие, как воды в Вершем океане, да и светятся они, как у всех олманцев. Но вот волосы ее черные, с каким-то странным фиолетовым оттенком, который присущ только навернийцам.

– Интересно, – задумался Урджин. – Олманцы ведь всегда враждовали с Навернией. Как же к этой любовнице относятся здесь?

– Она спит с наследником трона, – справедливо заметил кузен. – Как к ней могут относиться?

– Ему сколько? Двадцать три?

– Да. И в наследование, как старший на десять секунд брат, он вступит в двадцать пять лет.

– И здесь малышке не повезло, – усмехнулся Урджин.

– «Малышке»? – переспросила сестра.

– Только что в голову пришло. Интересно, если я буду звать жену «малышка», это будет ее злить? – засмеялся Урджин.

– Странные мысли, братец, – фыркнула сестра. – Даже Клермонт ты всегда называл по имени.

– Клермонт мне не жена, кроме того, не она мне обещана.

– Думаешь, что встретишь замарашку и полюбишь великой любовью, а потом вы вместе измените ход истории Вселенной? – съязвила сестра.

– А почему бы и нет?! Не все ведь красивым да умным, как ты, – рассмеялся кузен.

Подобное пренебрежение родных к девушке, которую никто из них даже не видел, Урджина почему-то возмутило. Конечно, он сам начал смеяться над подобной ситуацией, однако этот юмор скорее всего был не оскорблением, а попыткой успокоиться.

– Камилли, советую тебе немедленно прикусить язык и больше подобных шуток в адрес моей супруги не отпускать. Это же касается и тебя, Сафелия. Имейте хоть каплю уважения.

– К кому? – возмутилась Сафелия внезапному выпад брата. – Да у них все женщины в этих странных черных плащах ходят! И руки вечно в перчатках держат. Ни лица, ни тела, – ничего не видно! Дикари какие-то!

– У них свои традиции, – ответил Урджин. – И не могу сказать, что они настолько уж дикарские. Например, в семье принято почитать старших, не говоря уже о муже, если девица замужем.

– Ну и что это, как не добровольное рабство? Если тебя прельщает перспектива совместной жизни с безропотной страшилкой, которая верит, что ты вправе распоряжаться ее жизнью, так тебе и надо! Клермонт такого бы никогда не потерпела. Она женщина, которая знает себе цену.

– Сафелия, – зашипел Урджин, – немедленно выйди из-за стола и прогуляйся где-нибудь с Камилли!

– Но Урджин...

– Я сказал – немедленно!!!

Сафелия и Камилли молча поднялись и, принеся извинения присутствующим, удалились из зала.

Урджин остался наедине со своими мыслями. Что-то странное творилось в его голове. С одной стороны, он прекрасно понимал абсурдность происходящего, однако какое-то чувство ответственности перед не знакомой ему пока девушкой брало верх над здравым смыслом. «Малышка». Урджин улыбнулся сам себе. Пусть будет малышкой.

Сафелия и Камилли в молчании бродили по коридорам этой чудной резиденции. Мрачный дворец, выложенный из больших серых отесанных камней, наводил на них тоску. Каменные стены были украшены большими коврами самих разных цветов, а на некоторых из них были вытканы чьи-то портреты. Все коридоры освещал приглушенный свет маленьких лампочек, вмонтированных в стены, пол и потолок. Каждая дверь здесь была деревянной, кроме того, открывались они не автоматически, как привыкли доннарийцы, а вручную.

Не только эта резиденция, но и вся планета Олмания казалась чужакам какой-то древней. И пусть в этих местах и было свое очарование, например, обилие зеленых лесов и полей,

цветущих растений, небольших поселений с маленькими зданиями из камней и ракушечника, все равно: до блистательной Доннары этому месту было еще очень далеко.

Камилли и Сафелия бесцельно плутали по коридорам, пока совершенно случайно не вышли к посадочной платформе межгалактических кораблей. Оказавшись на мостике, заставленном коробками и ящиками, они сверху могли наблюдать за происходящим внизу. Знакомые голоса заставили их пригнуться и спрятаться за одним из картонных укрытий. Внизу разговаривали император Науб и его племянник Стефан, которых их брат в эту минуту ожидал в церемониальном зале.

– Стефан, я же просил вас двоих не выкидывать фокусов в этот день! – злился Науб.

– Я не могу повлиять на нее. Она слишком свободна в собственных суждениях и действиях.

– Влиять на эту девицу твоя непосредственная обязанность, пока она живет с нами!

– Я знаю, дядя. Но рассуждать об этом сейчас не имеет смысла. Она уже вернулась.

В этот момент на перрон бесшумно опустился небольшой межгалактический корабль. Дверь в грузовой отсек открылась, и оттуда высыпала толпа маленьких детей, перемазанных копотью, и в рваных одеждах. Это были явно навернийские дети: с темно-фиолетовыми волосами и бледной кожей. Все они, страшно напуганные, просто молчали. Вслед за ними показались две фигуры в черных плащах, по всей видимости, это были женщины. Одна из них тащила другую, придерживая ее за талию.

Науб и Стефан подбежали к ним.

– Что случилось? О чем ты только думала?!

– Стефан, помоги, она попала в силовое поле! – заголосила та, что несла другую.

– Какой уровень?

– Не знаю! Ее все время рвет и бросает в судороги. Она ничего не говорит, только кричит иногда.

– Сколько прошло времени?

– Часа полтора.

В этот момент вторая женщина выгнулась дугой и заорала так, что все дети попадали от страха на пол. Капюшон откинулся назад, и Сафелия с Камилли увидели лицо незнакомки. Это была молодая девушка с черно-фиолетовыми волосами, разметавшимися крупными локонами по бледному лицу, которое исказила гримаса боли. Она не плакала и не стонала, только широко распахнула ярко-синие светящиеся глаза и самостоятельно оборвала крик.

– Положи ее на пол, Назефри, – скомандовал Стефан. – Все разойдитесь. Дядя, пожалуйста, уведите детей.

Стефан стал на колени перед извивающейся на полу девушкой и начал водить руками по воздуху вокруг ее тела. Через несколько секунд судороги прекратились, и она перевернулась на живот. Сафелия не понимала, что происходит, но продолжала как зачарованная наблюдать за ней. Девушка попыталась встать на ноги, но сил у нее было явно недостаточно, и она плашмя рухнула на пол. Стефан хотел было помочь, но от одного только прикосновения к ее телу она закричала вновь:

– Не смей!!!

– Давай я помогу! Ты слишком слаба!

– Не смей, Стефан!

Внезапным, очень быстрым движением девушка вытащила из-под плаща длинный узкий меч в черных ножнах и, опершись на него, поднялась с пола.

– Назефри, помоги ей.

– Только двинься в мою сторону, Назефри, и я больше никогда не попрошу тебя сопровождать меня!

– Поступай как знаешь! – закричал Стефан. – Если тебе настолько наплевать на себя, я тоже не буду переживать!

– Я сама за себя отвечаю! И ты не можешь перечить мне!

С этими словами покачивающаяся фигура незнакомки, опирающаяся на меч, удалилась в один из коридоров.

Сафелия и Камилли, не сговариваясь, сразу же метнулись в ту сторону, откуда пришли. Через несколько минут они уже заняли свои места в церемониальном зале, дабы поделиться с братом всем увиденным.

– Говоришь, любовница Стефана позволила себе довольно грубо с ним разговаривать?

– Да, представляешь? – изумлялась Сафелия. – Хотела бы я быть такой же независимой, как она!

– Очевидно, девица настолько вскружила голову бедному наследнику, что теперь вертит им, как захочет, – высказался Камилли.

– Интересно, что это за дети с ней были? – задумался Урджин.

– Наверныйцы, все до последнего, – ответил кузен. – И весьма перепуганные.

– Странно. На Навернии давно не ведется военных действий. Может, повстанцы?

– Ты знаешь, Урджин, я восхищен этой особой. Было видно, что скрутило ее очень сильно, но она и слезинки не проронила. А потом еще и ушла с гордо поднятой головой, будто от этого зависела ее жизнь.

– Похоже, она действительно сильная женщина. Огорчает только то, что мы здесь сидим в одиночестве, скорее всего, из-за нее.

– Думаешь, Стефан собирается к нам с ней заявиться? – возмутилась Сафелия.

– Если честно, дорогая, я в этом не сомневаюсь.

– Этого еще не хватало! Я тут кисну из-за какой-то полукровки без роду и племени, а затем еще и почести ей приносить буду?

– Будешь, если придется. Мы здесь и так не очень-то желанные гости, если и ты еще фокус какой-нибудь выкинешь, я лично тебя выпорю!

– Ха! Я наследница великого трона Доннарской империи и фавориткам кланяться не собираюсь!

Сафелия задрала свой маленький носик и скрестила руки на животе.

– Камилли, – обратился к брату Урджин, – а как она из себя, эта знаменитая особа?

– Если честно, я только и разглядел, что эти необычные глаза и остриженные до плеч волосы. Потом Стефан ее заслонил, а затем она и сама в плаще спряталась.

Вдруг шум вокруг резко стих. Без какого-либо объявления в церемониальный зал вошли двое. Один из них был Стефан, облаченный в облегающий черный костюм, скорее предназначенный для полетов, нежели для официальных встреч. Короткие волосы пшеничного оттенка торчали в разные стороны, создавая впечатление полного беспорядка. Темные густые брови будто нависали над светящимися ярко-синими глазами. Черты лица суровые, но все же именно они придавали ему столь неотразимый вид.

Сафелия задержала дыхание, вглядываясь в этого привлекательного молодого человека. Затем она обратила внимание на фигуру в черном плаще, которая шла подле него, опираясь на его руку. Женщина, казалось, парила над полом. Тяжелый капюшон ниспадал на лицо, скрывая все его черты.

В то время как представители Доннары поднялись с мест, дабы поприветствовать делегатов, все остальные припали к полу.

Двое подошли к столу и остановились напротив даннарийцев. Женщина одним изящным движением руки откинула капюшон и в упор взглянула на гостей. Светящиеся глаза взирали надменно и холодно.

Урджина сковал этот взгляд. Синие воды, манящие окунуться в их глубину и таящие в себе опасность поглощения неизвестным океаном, смотрели прямо на него и бросали вызов. Темно-фиолетовые, почти черные волосы оттеняли и без того бледную мраморную кожу. Все черты лица незнакомки были настолько утонченными, будто над ними долгие годы кропотливо трудился один из великих скульпторов Вселенной. Темные брови аккуратными линиями вздымались над бездонным омутом ее глаз, окруженных длинными пушистыми ресницами. По щекам расплылся едва заметный румянец.

Взгляд Урджина упал на бледно-розовые губы незнакомки, идеально обрамленные тонкой каймой. Эти губы почему-то показались ему самыми совершенными, что вообще могли существовать. И никакой косметики. Вся эта красота была дарована ей природой.

Сердце молодого наследника защемило где-то в районе груди, а по спине пробежал легкий озноб. Он понимал, что эта женщина никогда не будет принадлежать ему, что рядом с ним вскоре появится его нареченная. Она и займет законное место подле него. Но он все равно продолжал смотреть на полукровку, не в силах столкнуться с реальностью лицом к лицу: он никогда не получит то, на что смотрит.

Насколько же злую шутку сыграла с ним судьба, приведя на эту дальнюю маленькую планетку в поисках своей обещанной, но сведя его с совершенно нереальным существом, о котором он не мог и мечтать? В этот момент он ненавидел всех: Стефана, его любовницу, свою жену и себя самого вместе с ними.

Молодая пара склонилась в поклоне, и когда настал черед доннарийцев проявить уважение, Урджин понял, что поклонились только они с Камилли, а Сафелия осталась неподвижно стоять напротив незнакомки, вызываясь глядя ей в глаза.

Оскорбление... В тот момент Урджину захотелось задушить сестру собственными руками, и, сам того не замечая, он сжал кулаки.

Нахалку же данная ситуация вполне устраивала, тем более что не каждый день ей удавалось тешить свое самолюбие. Любовница Стефана ничего не могла предпринять в данной ситуации, и в любом случае олманцы должны были стерпеть такую пощечину.

Сафелия с надменным выражением лица выпрямилась еще больше и сложила руки на груди. Чего она точно не ожидала, так это того, что незнакомка посмеет с ней заговорить.

– И вы полагаете, что, прилетев на эту планету, сидя за этим столом и вкушая эти угощения, вы имеете полное право пренебрегать элементарными правилами приличия? – Голос отразился эхом от стен и заставил Сафелию поежиться.

Стефан вцепился свободной рукой в спутницу:

– Успокойся, пожалуйста, это того не стоит.

Незнакомка резко отдернула ладонь и повернулась лицом к Стефану:

– Если ты считаешь подобные выходки позволительными, я их терпеть не собираюсь!

Урджин понял, что дело грозит закончиться скандалом, и попытался смягчить ситуацию:

– Прошу прощения за поведение моей сестры...

И уже склонил голову перед дамой в плаще, как его речь оборвала сама виновница скандала:

– Не стоит, брат, извиняться за то, в чем я несколько не раскаиваюсь! Я, наследница Доннарской империи, и не стану склоняться перед особой, не равной мне по положению!

Реакцию на данный выпад не мог предугадать никто. Девушка развернулась лицом к Сафелии и, облокотившись руками о стол, буквально зашипела:

– Никогда в своей жизни я бы не позволила себе оскорбить подобным образом своего собственного брата. Вы же сделали это дважды за сегодня: первый раз, когда ослушались его при стольких свидетелях, второй раз, когда оскорбили его жену. Если он и оставил вашу дерзость без внимания, я этого сделать не могу. Посему, пока не будут принесены официальные извинения от вас лично мне, ноги моей не будет на доннарийском корабле!

С этими словами она развернулась, вышла в проход и уверенным шагом направилась к выходу из зала. Но, не преодолев и нескольких метров, почувствовала такую слабость в ногах, что невольно пошатнулась, и в попытке удержать равновесие раскинула руки по сторонам.

– Эста! – закричал Стефан.

Зал ахнул. Стефан понял, что дела плохи: все еще не оправившись от воздействия мощного силового поля, сестра сейчас упадет на пол. Он было ринулся в ее сторону, но в этот момент Урджин каким-то ловким движением перепрыгнул через заставленный тарелками стол и подлетел к ней. Никто не знал, что им движет, даже он сам. Возможно, он рассчитывал таким образом разрешить эту непростую ситуацию, возможно, ему просто очень хотелось ей помочь. Какова бы ни была причина, последствия предугадать не мог никто.

Она же, в свою очередь, никак не ожидала увидеть в заставшей ее взор полутьме того, о ком думала все эти семь лет. И уж никак не могла себе представить, что сейчас он окажется подле нее.

Конечно, в ее сердце жила обида на все, что было связано с ним, и естественно, он был последним человеком, пред которым она могла проявить слабость и бессилие. Его лицо медленно расплывалось перед глазами, а ее тело, кажется, уже давно свободно летело в пропасть, но разве могла она оставить за ним последнее слово?

– Вы далеко не рыцарь, – проямил голос в пустоту.

– Я больше. Я ваш муж.

В ее голове успела промелькнуть мысль о том, что он опять победил, как и семь лет назад...

Нести Эсту было совсем не тяжело. И то, что в своих руках он ощущал довольно хрупкую фигурку этой неsgiбаемой девушки, и что его обоняние улавливало легкий терпкий аромат каких-то цветов, исходивший от ее кожи, – все это волновало его гораздо больше, нежели факт, что об этой сцене будут долго судачить в обоих мирах.

В то время как Урджин с Эстой на руках остановился перед одной из больших деревянных дверей, напротив неожиданно возник Стефан:

– Думаю, дальше я справлюсь самостоятельно, – заявил он, протягивая руки к сестре.

– Лично я привык все доводить до конца, – ответил Урджин и, обогнув Стефана, открыл заветные двери.

Комната Эсты была очень скромной, и, по мнению Урджина, сама хозяйка здесь появлялась довольно редко. Об этом свидетельствовало отсутствие каких бы то ни было предметов интерьера, за исключением большой кровати и длинного шкафа. Ни зеркал, которые, казалось, должны украшать комнату любой девушки, ни компьютера, ни фотографий, – вообще ничего.

Как только он опустил податливое тело жены на темное покрывало кровати, его тут же попросили удалиться из комнаты. В данном случае он не сопротивлялся, увидев и так непозволительно много из жизни этой загадочной особы.

Урджин решил вернуться на корабль, где его ждала команда надежных людей, вместе с братом и сестрой, которую он все еще хотел задушить собственными руками.

– Камилли, что ты думаешь обо всем этом?

– Урджин, прости меня, – перебила его сестра, – я не знала, что все так обернется...

– Сафелия, у меня нет настроения с тобой разговаривать.

– Но, Урджин, я же не хотела...

– Чего ты не хотела, Сафелия? Оскорбить незнакомую тебе женщину? Как раз наоборот, ты этого хотела, только не знала, что она окажется моей женой. Что вообще на тебя нашло? Откуда в тебе взялось столько спеси?

– Думаю, Урджин, в ней говорила ревность, – заметил Камилли.

– Какая ревность, Камилли? К кому?

– Простая женская ревность, когда в зале оказывается на одну красивую женщину больше, чем было до этого.

– Это правда, Сафелия?

– Тебя это не касается, Урджин. – Сафелия демонстративно отвернулась. – Я всего лишь на год младше твоей жены, и не собираюсь отчитываться перед тобой.

– В отличие от моей жены, сегодня ты меня опозорила. И судя по всему, в свои двадцать три она умеет мыслить вполне здраво, не в пример тебе.

– Я извинюсь за все что натворила, и ситуация будет исчерпана.

– Это решать ей и Стефану, а не нам с тобой. А теперь иди к себе и молись, чтобы на извинениях все и закончилось. Меньше всего мне сейчас нужно вести немую войну со своей женой.

– Семь лет тебе было наплевать на нее и ее род, а теперь вдруг она стала такой важной для тебя? – взбеленилась Сафелия. – Знаешь, что я тебе скажу? Если бы меня оскорбили в день моей свадьбы так же, как ее, я бы никогда этого не простила! А если ты сейчас обнаружил, что твоя нареченная любую из твоих бывших любовниц заткнет за пояс, не думай, что она так же быстро ляжет с тобой в постель, как это сделали они!

– Что это была за бравада только что? – поморщился Урджин.

– Я знаю тебя всю жизнь. И этот бесовский блеск в глазах мне также знаком. Только боюсь, что цена за эту женщину окажется слишком высокой.

– И что эта за цена, по-твоему?

– Смотри, не лишишь всего, потому что любовь, если она безответна, разрушает человека изнутри, превращая его в существо без воли и характера.

Сафелия отвернулась от брата и побрела к себе в комнату. Легкая улыбка коснулась ее губ, когда она представила выражение его лица. Возможно, Эста действительно слишком красива, и Урджин непременно захочет владеть ею безраздельно. Но то, что эта женщина за свою благосклонность запросит не только его сердце, Сафелия знала наверняка, как и то, что если он полюбит ее, то действительно отдаст ей все это безвозмездно.

Глава 2

Утром Урджин как обычно собирался позавтракать в кругу родных на своем корабле. Что принесет ему этот день, он не знал, и, честно говоря, на лучшее не надеялся. Войдя в столовую полностью погруженным в раздумья, он сразу же направился к кофеварке со словами: «Всем доброе утро!»

Прибор стоял на отдельном столике за специальной декоративной стенкой. Абсолютное молчание в помещении, повисшее после его появления, показалось немного странным.

– Сафелия, ты уже подумала, как пойдешь с повинной к Стефану и Эсте? – спросил он.

– Урджин, ты выглядишь уставшим. Наверное, не очень хорошо спал?

– Да, если честно. Мне почему-то казалось, что меня придушат во сне, – засмеялся он. – А если ты еще что-нибудь выкинешь, так оно и будет!

– Ну вот, стоит человеку не выспаться, как он тут же теряет толику своей бдительности. Обычно ты более внимателен к деталям.

– Что ты этим хочешь сказать?

Автомат закончил выплескивать кофе в кружку и издал непонятный звук.

– Ничего. Сегодня на завтрак у нас твоё любимое блюдо: моллюски в соусе.

– Прекрасное начало дня, – улыбнулся Урджин. – Ты специально попросила их приготовить, чтобы доставить мне удовольствие?

Он поднес кружку кофе ко рту и сделал первый глоток.

– А ты знал, что на Олмании они не водятся? – спросила Сафелия.

– Нет. И слава богу, что их никогда не будет на праздничном столе на этой планете.

– Думаю, ты прав. Особенно после того, как выяснилось, что Эста их тоже терпеть не может.

– Что?

Вдруг кто-то начал хохотать. Урджин выглянул из-за стены и увидел смеющихся Эсту и Стефана, сидящих рядом с Камилли и Сафелией. Все четверо пригibasлись к столу, обхватив животы руками.

Урджин спокойно вышел из укрытия и с непроницаемым видом поприветствовал гостей. Эста со Стефаном отвечать были не в состоянии, и только закивали в ответ.

Стефан был одет неофициально: в рубашку и широкие штаны. На Эсте был все тот же черный плащ и перчатки, однако от ее искрящегося радостью лица, которое сейчас не скрывал капюшон, он не мог отвести взгляд. Такой красивой она была в этот момент. Яркие глаза прикрыты густыми ресницами и наполнены слезами смеха, волосы непослушными локонами торчат в разные стороны, и эти маленькие ямочки в уголках рта, к которым так хочется прижаться губами...

Урджин вздрогнул, поняв, что мысли покатились не в ту сторону, и перевел взгляд на кружку с кофе в руках. Он продолжил беседу, когда все успокоились.

– Как вы себя чувствуете, Эста? Надеюсь, все в порядке?

– В полном. – Она кивнула. – Благодарю.

– Я рад, что развеселил вас с самого утра.

– Что вы! – Она улыбнулась. – Благодаря вам мы с братом получили редкую возможность посмеяться от души.

– Сафелия принесла вам свои извинения?

– Да, сегодня утром она сперва навестила меня, – отозвался Стефан. – Затем мы зашли к Эсте и через несколько минут оказались на вашем корабле. Кстати, он весьма впечатляет.

– Благодарю.

Эста всматривалась в мужчину, стоящего перед ней. Он был одет в обычные плотные темные штаны и рубашку с закатанными рукавами. Ворот расстегнут, слегка обнажая широкую мускулистую грудь. Пепельные волосы аккуратно собраны в косу.

Но не это заинтересовало Эсту. Она всматривалась в темно-синюю татуировку, покрывающую, если ее предположения были верны, всю левую половину его тела. Она точно знала, что татуировка начиналась на шее, спускалась на руку до кисти и захватывала грудь. Ничего конкретного она не изображала, просто была похожа на тонкие языки пламени, стелющиеся по бледно-розовой коже. Этот загадочный рисунок, который она никак не могла заметить раньше, породил в ее голове множество вопросов. Она еще успеет задать их все, и, возможно, он даже сможет на них ответить.

Эста окинула взглядом Урджина с головы до пят и поняла, что таким, как сейчас, он нравится ей чуточку больше.

– Думаю, вы не против обсудить некоторые детали? – продолжал Урджин.

– Конечно, – кивнул Стефан. – Ввиду последних происшествий, я решил сопровождать сестру в этом путешествии и хотел бы немного погостить в резиденции на Доннаре. Надеюсь, это возможно?

– Мы всегда будем рады принять вас у себя. Могу я поинтересоваться, что за «последние происшествия» вы имеете в виду?

– Ничего особенного, – перебила брата Эста. – Стефан склонен к преувеличению.

– Склонен или нет, пусть решит твой муж.

– Я не согласна с тобой. – Она горделиво вскинула подбородок.

– Началось... – пробурчал брат.

– Этот спор ни к чему не приведет, – прервал их Урджин. – Все, что связано с Эстой, теперь касается меня и моей семьи. Поэтому решать, важно это или нет, мы будем все вместе.

Эсте импонировала дипломатическая позиция супруга. Ей вообще, вопреки здравому смыслу, в нем нравилось все: и его способность держаться на людях, и отсутствие какого бы то ни было высокомерия, и та мягкость, с которой он на нее смотрел, и эти широкие крепкие плечи, к которым так и тянуло прижаться.

Она раньше часто задавалась вопросом, как ей относиться к нему? Ведь, начини она мстить, будущее ее неизбежно было бы подчинено этому темному чувству. Но и оставить все, забыть она тоже не может.

Подобные мысли отрезвили ее, и приступ нежности и восхищения к этому человеку сменился чувством обиды и пренебрежения. Урджина будто окатило холодной водой. Он не понял, что произошло с его телом, и придавать этому значения не стал.

– За последние три недели Эста в четвертый раз попадает под действие силового поля, – произнес Стефан.

– Для начала не могли бы вы объяснить, что это такое? – попросил Урджин.

– Силовые поля – это своего рода энергетические ловушки. Вы никогда не ощутите на себе их действия, потому что они созданы специально для людей, подобных мне с сестрой.

– Медиумов, вы имеете в виду?

– Не совсем, – загадочно улыбнулся Стефан. – Медиум из нас двоих – только я. Мой дар открылся еще в раннем детстве. Я могу предсказывать события наперед, но не все. К этому таланту позднее добавился еще один: способность определять колебания энергии вокруг близких мне людей на расстоянии.

– И что это значит? – Урджин нахмурился.

– Я предчувствую опасность, грозящую им, и в случае необходимости могу их предостеречь.

– А какими способностями обладаете вы, Эста?

– У нее их практически нет, – ответил за сестру брат.

– То есть?

Эста пожала плечами:

– Учитель говорит, что какой-то талант скрыт во мне, но для того, чтобы он проявился, необходим особенный «ключ».

– И что это за «ключ»?

– Если бы я знала... – мечтательно произнесла она. – Возможно, это болезнь, или просто должно пройти еще какое-то время, а может быть, мне следует умереть...

– Не говори ерунды, – возмутился Стефан.

– Отчего же? У Учителя способности открылись после того, как он побывал «за чертой».

– Это не значит, что тебе следует повторять его опыт.

– Я вынужден согласиться с вашим братом. – Урджин отпил кофе. – Проще жить со скрытым талантом, чем пытаться его проявить подобным образом. Но мы отвлеклись. Силовые поля...

– Да, извините. Наши с сестрой глаза так светятся потому, что в отличие от других людей, например, от вас, мы способны собирать и пропускать сквозь себя окружающую нас энергию. Этот дар невозможно контролировать, и им наделены все олманцы. Силовые поля – это сгустки мощной негативной энергии. Попадая в них, наш организм насыщается ею. Эта энергия поражает все тело, и, в зависимости от мощности поля, способна его сильно травмировать или убить.

– То есть силовые поля – это оружие против олманцев? – подытожила Сафелия.

– Да, – улыбнулся ей Стефан.

– И кто его создал? – спросила Сафелия.

На этот раз Стефан засмеялся:

– Олманцы.

– Логично! – подтвердила наследница Доннары и улыбнулась в ответ. – Но почему вы решили, что Эста не случайно попадала в эти ловушки?

– Потому что большинство олманцев их чувствуют, включая меня, но у Эсты этого дара нет. Для олманца – это вид оружия, столкновения с которым можно легко избежать. Но Эста так же «слепа», как и вы, с той лишь разницей, что на вас силовые поля не действуют.

– Это все равно не подтверждает ваших, Стефан, опасений, – подытожил Урджин.

– А если я скажу, что силовые поля были расставлены там, где о них никогда не слышали?

– Например?

– Вчера она попала на Навернии.

Урджин взглянул на Эсту.

– Кто-нибудь из вашего окружения знал, что вы собираетесь лететь на враждебную вам планету, да еще и в день нашей торжественной встречи?

Эста побагровела. Он понял, что попал в точку, и мягко улыбнулся своему предположению:

– Вы ведь не собирались туда лететь, верно?

– Решение было принято буквально перед вашим прибытием, – начала оправдываться она. – Я не могла отказать людям, просившим о помощи. В ходе зачисток погибают дети. Этого допускать нельзя.

– Однако решать проблемы путем периодических вылазок на недружелюбную планету по меньшей мере неразумно. Необходимо, чтобы ваши друзья предъявили доказательства геноцида, проводимого на Навернии, и тогда мы вынесем этот вопрос на рассмотрение Межгалактического Совета.

– Какое благородство с вашей стороны! – Эста вскочила. – А не Доннара ли на прошлом заседании Совета отклонила прошение Олмании о проведении расследования факта уничтожения двух наших торговых кораблей в атмосфере Навернии?

– Повторяю, – Урджин пытался сохранять спокойствие, – для подобных утверждений нужны доказательства!

– Какие? Обломки корпусов?

– Наверния отрицала факт пуска ракет по олманским кораблям и готова была предоставить доказательства своей невиновности.

– Тогда куда делись эти корабли, если оба были на связи до вхождения в атмосферу и передали сообщение о воздушной атаке без предупреждения? – выдала она и победоносно сложила руки на груди.

– Атаковать могли незаконные силы – пресловутые повстанцы.

– Если так, почему намернейцы отрицали сам факт вхождения наших кораблей в атмосферу своей планеты? Могли же списать все на повстанцев. Не потому ли, что у повстанцев на их планете нет в арсенале термоядерных ракет дальнего действия?

– Вы не можете знать наверняка, – покачал головой Урджин.

– Не могу. Поэтому мой брат и попросил принудить Навернию к расследованию комиссией Совета факта гибели кораблей. Но, как только Доннара отклонила прошение, ее примеру последовали все остальные планеты, завязанные с вами в торговых отношениях. А теперь самое интересное: почему ваш отец, как император, так поступил? Не потому ли, что на Навернии расположены доннарийские военные комплексы, которые вы разместили там около десяти лет назад, никак не подозревая, что Совет Всевидящих потребует заключения нашего с вами брака? И даже после этого доннарийские базы остались стоять там, где стояли.

В этот момент за столом раздались громкие аплодисменты. Хлопала Сафелия.

– Браво, Эста! Мало того, что вы первая из женщин моего брата, которая вообще стала с ним говорить о политике, вам, к тому же, удалось заставить его врасплох. – Сафелия засмеялась.

– Я не одна из его женщин, – отчеканила Эста. – Я – его жена. И поверьте, скромность и покорность, которыми так славятся олманки, – не самые сильные стороны моего характера.

– Вы хотели сказать, что этих сторон в вашем характере вовсе нет? – с ехидной улыбкой спросил Урджин.

Эста не собиралась спорить с ним, но выйти из этой ситуации красиво хотела бы любая на ее месте. Поэтому она сделала то, чего никак не ожидала от себя и чего никогда не позволяла себе раньше: улыбнулась Урджину своей самой ослепительной улыбкой и приблизилась к нему вплотную. Она приподняла голову и встретилась глазами с этим человеком. От такой близости у обоих перехватило дыхание. В столовой повисла тишина.

– Не могу сказать, что не рада. Ибо теперь вы знаете, что испытываешь, когда твой супруг не соответствует ожиданиям.

Он прекрасно понял все, что она хотела сказать. Однако в этот момент его разум рисовал совершенно другой образ этой женщины: он берет ее, прижав к стене в этой самой столовой, а она, сидя на его руках и обвив ногами его талию, стонет, выкрикивая от удовольствия его имя.

В следующее мгновение Урджин очень обрадовался тому, что никто из присутствующих не может прочесть его мысли. Необходимо было ответить на олманский выпад, поэтому он наклонился к ее уху и тихо прошептал:

– Такую радость, как сейчас, я давно не испытывал. Ведь у моей супруги нет тех качеств, которые я терпеть не могу в женщинах.

Эсту будто пронзило ударом молнии. В ужасе она отпрянула от него, и, неожиданно снова покрасневшись, отступила на несколько шагов назад.

– Taihasuelle! – выкрикнула она и удалилась из столовой.

– Как она меня назвала? – обратился к Стефану Урджин.

– Кем-то вроде «незаконнорожденного». Да, это самый близкий термин, – пожал плечами Стефан.

– То есть «ублюдком», – засмеялся Урджин в ответ, да так, что кофе из кружки выплеснулся на пол. – Taihashuelle... Я запомню. А на каком это языке?

– Древнеолманском.

– А как на вашем языке будет «малышка»?

– «Малышка»? – Стефан даже поморщился.

– Да, «малышка».

Наследник Олмании, казалось, смутился, и это удивило всех присутствующих.

– Не знаю, почему мне так кажется, но думаю, вы не могли об этом знать.

– О чем знать? – не понял Урджин.

– Ну, конечно, вы никак не могли знать, что «малышка» на древнеолманском и есть Esta.

Все замолчали, немного потрясенные.

– То есть Esta означает «малышка»? – переспросил Урджин.

– Именно так. Только я не понял, зачем вы спросили об этом?

– Сам не знаю, – признался Урджин. – Ну ладно, вернемся к делам. Стефан, мы планировали вернуться на Доннару на этой неделе. Отсюда лететь три дня. Могу я узнать, когда вы с сестрой сможете покинуть Олманию?

– Вообще-то, сегодня вечером. Мы с сестрой будем на вашем корабле ровно в шесть. Все вещи доставят к этому часу.

– Очень рад это слышать.

Стефан молча встал из-за стола, поклонился присутствующим и направился к выходу.

– Спасибо за столь необычное утро, – усмехнулся он.

– Не за что, – хором ответили доннарийцы.

Три дня перелета тянулись крайне медленно. Эста старалась вообще не пересекаться с мужем, поэтому предпочитала не покидать каюту. Стефан, в отличие от сестры, прекрасно проводил время в компании новых родственников. Сейчас эти люди казались ему самыми открытыми и дружелюбными во Вселенной. Он составил свое собственное мнение о доннарийцах по поведению надменного императора этой планеты, который славился не только скверным характером, но и крайне неуважительным отношением к подданным. Всего Стефан мог ожидать от детей такого человека, кроме того, что они окажутся настолько непохожими на своего отца.

Сафелия буквально млела в присутствии Стефана, и это начинало бросаться в глаза не только ее братьям. Сам же объект притязаний намеренно игнорировал ее, сознавая, что интрижка с сестрой Урджина до добра не доведет.

Камилли вообще смотрел на все происходящее вокруг него, как на большое цирковое представление. Его брат не на шутку заинтересовался никому не известной нареченной. Она же, судя по всему, точила на него не один зуб и укреплять супружеские отношения не спешила. Да и кто бы мог ее осудить? Урджин натворил дел семь лет назад, когда отказался жениться на девушке со странной планеты Олмания. Еще бы! Ему был всего лишь двадцать один год. И прекрасная Клермонт, затмить красоту которой до недавнего времени казалось невозможным, спала в его постели. Более того, до этого неожиданного решения Совета Всевидящих он даже подумывал о женитьбе на ней. Известие о предстоящем браке прозвучало как приговор. Он пытался сопротивляться как мог, но когда отец пригрозил отречением и лишением права наследования, Урджин приостыл. В течение суток семья нашла временное решение – отложить брак на семь лет. Они рассчитывали, что за это время юношеский максимализм сменится чувством ответственности перед окружающими, и Урджин исполнит свой долг. Это устроило всех, даже Клермонт, которая открыто заявила Урджину, что согласна исполнять роль любовницы в этом фарсе, навязанном Советом старикашек.

Камилли помнил, как тогда переживал Урджин из-за своей Клермонт. Однако спустя два года он осознал, что на ней свет клином не сошелся, и стал завязывать короткие интрижки с другими привлекательными особами противоположного пола. Клермонт, в свою очередь, спускала все ему с рук, пользуясь положением фаворитки наследника. Злой рок настиг ее полтора года назад, когда Урджин вдруг решил порвать с ней. И причину привел весьма вескую: он станет женатым человеком, и подобными отношениями оскорблять жену не намерен. Клермонт тогда прокляла и его, и его супругу, напомнив при этом, что он всю оставшуюся жизнь будет связан с уродиной с пуританской планеты, которая в постели только и сможет, что молча лежать под ним. Урджин после этого не на шутку разнервничался и попытался найти хоть какие-нибудь сведения о нареченной. Советники в этом помогли мало, а больше спросить было не у кого. Почему она оказалась такой, какой они увидели ее три дня назад, Камилли не знал. Какая роль им отведена, старцы не пояснили, ограничившись лишь кратким упоминанием об изменении хода истории Вселенной. Но разве способна будет такая пара на что-то меньшее?

Наконец Камилли смог убедить кузена поговорить с Эстой перед возвращением на родную планету. Урджину не хотелось стучаться к ней с просьбой уделить немного внимания. Однако, как только перед ним открылась дверь каюты, все сомнения исчезли, и осталось только желание находиться возле нее постоянно.

Его визит удивил Эсту. Она едва успела накинуть плащ, дабы Урджин не смог увидеть ее в излюбленной домашней одежде: трусиках и майке на бретельках.

– Заходите, Урджин. Что-то случилось?

– Спасибо, пока ничего не произошло и, надеюсь, не произойдет. Я пришел поговорить с вами с глазу на глаз перед нашим прибытием на Доннару.

Мужчина окинул взглядом комнату, разительно изменившуюся всего за три дня перелета. Эста передвинула кровать вплотную к большому иллюминатору. Центр комнаты стал абсолютно свободным от какой бы то ни было мебели. Стол и стулья оказались где-то в углу. Там же он приметил большой черный чехол. По всей видимости, он был сшит из замши и предназначен для хранения ее узкого меча, о котором столько рассказывали Сафелия и Камилли. На кровати валялся контактный обруч голографического компьютера. Он сам пользовался таким же. Очень удобно: надеваешь обруч на голову, и картинка проецируется прямо перед тобой, причем видишь ее только ты сам.

Эста указала рукой на стулья у стола, однако Урджин, будто и не заметив ее жеста, остановился в центре.

– Оказывается, каюты довольно просторные, если разумно воспользоваться пространством. Пожалуй, я поступлю со своей мебелью точно так же. – Урджин улыбнулся, увидев смятение на ее лице.

Эста как всегда была без макияжа, да он ей, собственно, и не требовался. И то, что он застал ее врасплох, было совершенно очевидным. В такой ситуации, когда человек морально не готов к встрече с собеседником, можно за несколько минут узнать о нем больше, чем за месяцы общения. Урджин уже понял, что Эста – минималистка. Она не любит окружать себя роскошью, не заиклена на собственной внешности, стремится к свободе передвижения и явно ежедневно тренируется со своим оружием.

– Эста, для начала я хотел бы обсудить с вами одну деталь.

– Что это за «деталь?»

– Я прошу разрешения называть вас на «ты», поскольку это надменное «вы» в общении со своей женой меня, откровенно говоря, напрягает.

– Можете называть меня, как посчитаете нужным. Мое обращение к вам не изменится.

– Почему? – искренне удивился Урджин.

– Потому что вы для меня абсолютно посторонний человек, пусть даже и зоветесь моим мужем.

– Ну что ж, – он вежливо поклонился, – как тебе будет угодно, Эста.

– Так, собственно, ради чего вы ко мне пришли?

Холодность, с которой она его встретила, немного отрезвила Урджина, однако стремление узнать о ней как можно больше подавило все негативные эмоции.

– Эста, я хотел предупредить тебя. Доннарская империя, в отличие от Олманской, построена сугубо на силе и власти своего императора. Традиции народа, как на твоей планете, здесь ни при чем. С детства меня с сестрой воспитывали на принципах, что доверять нельзя никому, кроме себя. Однако жить по таким правилам очень тяжело. Поэтому я четко определил людей, которым могу доверить все, даже собственную жизнь. В число этих людей входят моя сестра Сафелия, мой брат Камилли и моя мать Нигия. Я хочу сказать, что там, куда мы летим, тебе все будут улыбаться и клясться в вечной преданности...

– ...но в душе ненавидеть всем сердцем, – закончила фразу Эста.

– Именно.

– Вы знаете, Урджин, я удивлена только тому, что вы не доверяете собственному отцу, императору Фуиджи и... Клермонт.

При упоминании имени бывшей любовницы Урджина передернуло. Он прекрасно понял то, что Эста хотела до него донести: она знает о Клермонт (пусть не все, но многое) и понимает, какую роль эта женщина сыграла в их судьбе.

– Отношения с отцом у меня всегда были немного натянутыми и в последнее время обострились.

– Это не мое дело, Урджин, какие у вас отношения с родственниками и любовницей. Все это меня не касается. Если вы хотели предупредить о том, что меня ожидает весьма «радушный» прием, спасибо. Однако я знала об этом всегда. А уж то, что доверять на вашей планете я никому не смогу, было понятно изначально.

– Ты можешь рассчитывать по крайней мере на меня. Для начала этого будет достаточно.

– А вы, Урджин, сможете так же поверить мне, как просите верить себе?

– Я постараюсь, Эста, все зависит от тебя.

– От меня ничего не зависит, Урджин. Мне стало об этом известно лет семь назад.

– Я не собираюсь обсуждать с тобой эту тему ни сейчас, ни когда бы то ни было еще, – резко ответил он.

Урджин не ожидал, что Эста засмеется в ответ. Но ее звонкий голос вдребезги разбил стену самообладания, которую он воздвиг вокруг себя.

– Неужели тебе кажется смешным тот факт, что тебя унизили из-за другой женщины?! – выпалил он.

Эсту пронзило в самое сердце. И душевная боль, которую она за столько лет научилась подавлять, все же нашла отражение в ее смеющихся глазах. Урджин увидел это, и его самого словно что-то укололо в самое сердце. Он хотел извиниться перед ней за свои слова, но она стала смеяться еще громче, и он понял: чтобы добраться до сердцевины этой женщины, ему придется преодолеть не одно фортификационное защитное препятствие.

– Вы не обидели меня, а спасли, отсрочив ненавистный брак на целых семь лет. За это я признательна и вам и вашей ненаглядной Клермонт. Кроме того, благодаря этой женщине мне не придется спать с вами.

Это был удар ниже пояса. Урджина задело настолько, что в эту минуту он был готов на все, чтобы стереть с ее лица эту надменную улыбку.

– Действительно. Вряд ли такая женщина, как ты, смогла бы доставить мне удовольствие в постели, не говоря уже о том, чтобы затащить в нее.

Эста, потрясенная услышанным, перестала улыбаться. Выходит, невинность, которую она хранила все эти годы для него, совершенно ему не нужна. Это гнусное ощущение навязанности кому-то и презрения к самой себе поглотило ее целиком. Самой значимой целью для нее

было объединение интересов Доннары и Олмании, которое, как она надеялась, поможет спасти тысячи невинных жизней, уносимых в процессах зачисток на враждебной Навернии. А теперь оказалось, что даже в этом она никак не сможет преуспеть, ведь единственный способ заставить мужчину защитить твои интересы – это влюбить его в себя. Что ж, очевидно, у Совета Всевидящих был другой план на их счет.

Урджину же после этих слов захотелось провалиться сквозь пол. Он проявил горячность и слишком сильно обидел ее, а ведь она ни в чем перед ним не виновата. Он взрослый мужчина и должен был понять, что ее слова – простая бравада, попытка уколоть его и заставить почувствовать то же унижение, что испытала она сама.

Глядя в ее глаза, он хотел признаться в нелепости сказанного и добавить, что такую женщину, как она, не хотеть невозможно. Но разве мог он в этом сознаться сейчас? Конечно, нет. Гордость слишком часто диктует человеку свои правила, и сердце в этом собственному эго не противник.

– Я счастлива, что мы во всем разобрались, Урджин. Наш брак будет точно таким же, как большинство браков среди людей нашего круга. Я постараюсь не слишком навязывать вам свое присутствие, однако полностью избавиться от своей персоны не смогу. Поэтому я твердо заявляю: вы можете спать с кем угодно, это ваше дело, однако никогда не смейте придавать этот факт огласке, ибо насмешек общества в свой адрес я не потерплю.

Урджин ничего не ответил. Он повернулся к двери и быстро ушел.

Одна маленькая капелька медленно сползала вниз, прокладывая себе дорогу по бархатистой бледно-розовой коже Эсты. В попытке отомстить любыми средствами она сама спровоцировала его на искренний ответ. Какой же глупой она была, когда рассуждала о возможности жить с этим человеком нормальной жизнью, забыть все обиды и унижения и попытаться создать хоть какое-то подобие семьи? Какой же ненужной она стала, когда поняла, что никем, кроме экзотического сувенира, в его мире она никогда не станет.

Еще несколько капель перекатилось сквозь густую преграду из ее темных ресниц.

Эста не будет ему мстить. За что? За то, что он ее не хочет? Нельзя позволить себе опуститься столь низко. Нет. В новой жизни она постарается защитить интересы родной планеты. В этом ее долг и предназначение.

Эста стерла слезы и подумала о том, что зря не взяла с собой в путешествие Назефри. Сестра наверняка пожурила бы ее, а потом обругала Урджина на чем свет стоит, что вызвало бы у Эсты только положительные эмоции.

Ко времени прибытия корабля на Доннару все собрались в грузовом отсеке. Эста осталась верна олманскому черному плащу, к тому же надвинув на глаза тяжелый капюшон. Стефан держался поодаль от сестры. В ответственный момент ее знакомства с семьей супруга он не мог быть рядом: место брата должен занять муж.

Стефан осуждающе взглянул на Урджина, который даже не подумал сменить свой повседневный наряд на что-то более официальное, и решил оставить свое мнение при себе.

Эста догадывалась о причинах такого поведения Урджина. По всей видимости, он так же, как и она, ненавидел весь этот официоз, который напускали на себя знатные люди. Поэтому его маленький протест был понятен ей, ведь под полами ее плаща кроме черного дорожного облегающего костюма из специального эластичного материала и двух керитских мечей тоже ничего не было.

Наконец корабль остановил ход, и шлюзовые двери постепенно поползли вверх. Взору присутствующих открылся прекрасный пейзаж: широкая аллея, мощенная мелкой брусчаткой, справа заканчивалась низким забором из узких колонн. Дальше открывался чудесный вид на настоящее лесное озеро, раскинувшееся прямо перед резиденцией.

Лучи солнца миллионами серебряных бликов отражались от светло-синей водной глади. Озеро окружали ивы, тяжелые ветви которых опускались прямо в воду. За рядом ив начинался лиственный лес. Судя по пестрой окраске листьев, палитра которой варьировалась от охряно-желтой до красной, сейчас здесь царилась осень.

Эста мимолетно посмотрела на толпу людей перед кораблем, разодетых в белые с золотым парадные костюмы, и перевела взгляд на резиденцию.

Строение было по-настоящему грандиозным. Огромный хрустальный дворец, мерцающий на солнце, словно дорогой бриллиант, порастил своей масштабностью молодую наследницу.

– Он же стеклянный! – воскликнула она настолько громко, что ее услышал Урджин.

– Это не стекло, Эста, а особый сплав, который его имитирует. На первый взгляд кажется, что эта глыба прозрачная, но если подойти ближе, увидишь, что это не так.

Эста даже не повернулась в его сторону, сделав вид, что он разговаривал не с ней.

– Тебя не интересует твой новый дом? – спокойно осведомился Урджин, продолжая пристально изучать ее черный капюшон.

– Мой дом остался на Олмании, а это всего лишь место, где я буду жить.

– Возможно, когда-нибудь ты полюбишь это место, – с надеждой произнес он.

– Возможно, – ответила она и посмотрела на него.

Урджин слегка улыбнулся. Она долго всматривалась в черты его лица, пока он совершенно серьезным тоном не произнес:

– У тебя красивые глаза.

– Ты пытаешься заключить мир?

– Можно и так сказать.

– Тогда я отвечу, что цвет твоих глаз напоминает мне небо по осени. Такой же пасмурный оттенок, но все же теплый.

– Мне нравится, когда моя жена обращается ко мне на «ты».

Эста резко отвернулась, что весьма развеселило Урджина.

– Ты ведь не заметила?

– Чего не заметила?

– Что обратилась ко мне на «ты»?

– Все равно рано или поздно мне бы пришлось это сделать.

– Ну что ж, ничего не имею против, – ответил Урджин и направился вперед.

Эста последовала за ним. Порыв теплого осеннего воздуха ударил в лицо. Капюшон сполз на спину, и ветер заиграл темными прядями ее сверкающих волос. В лучах заходящего солнца они казались фиолетовыми, и Урджин, обернувшись к ней, чтобы предложить руку, не смог не восхититься этим зрелищем.

Эста подала затянутую в черную перчатку ладонь и почувствовала, как его длинные пальцы охватывают бархатистую замшевую кожу. По телу разлилось тепло, и, сама того не сознавая, она с силой сжала его пальцы.

Молодая пара спустилась по трапу и подошла к встречающей их делегации. Следом подтянулись Сафелия, Камилли и Стефан.

Урджин отпустил руку Эсты и подался вперед.

– Здравствуй, отец, – обратился он к мужчине, стоящему в центре.

Эста и раньше видела императора Доннары, но не так близко, как сейчас. Его седые волосы были такими же длинными, как у Урджина, и так же заплетены в высокую косу. Выражение надменных серых глаз не скрывало пренебрежения к происходящему.

Он оценивающе взглянул на жену сына и, подняв бровь, заговорил:

– Так вы и есть та самая загадочная Эста?

– Да, ваше императорское величество. – Она склонила голову и присела в изящном поклоне.

– Странно, что выглядите вы как полукровка. Насколько я помню, у ваших родителей были светлые волосы?

– Среди моих предков по отцовской линии были намернийцы. Темные волосы – единственный их подарок мне. Факт того, что я являюсь наследницей Олманской империи, никогда не оспаривался, точно так же, как и не было сомнений в моем происхождении.

– В современном мире существует много способов исправить эту вашу особенность.

Урджина накрыло холодной волной. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что причина этому состоянию – ярость Эсты. Он же к подобным выходкам отца привык, посему позволил жене самостоятельно отстоять свою честь.

– Неужели вы полагаете, что я, наследница Олманской империи, стану красить волосы, дабы скрыть происхождение своих предков? Единственными людьми во Вселенной, которые выказывали мне свою расовую неприязнь, были необразованные намернийские рабочие.

Вторая бровь Фуиджи взлетела вверх. Урджин еле сдержал смех. Отец явно не рассчитывал обнаружить у невестки такой норов. Противник был достойным, и император едва заметно улыбнулся.

– Что ж, сынок, если среди твоих союзников будет такая женщина, как она, Доннару ждет блестящее будущее. Хорошо бы только она помнила, что интересы планеты мужа теперь для нее превыше всего.

– Надеюсь, отец, что моей жене никогда не придется выбирать между интересами своего мужа и своих родственников. А я, как супруг, сделаю все возможное для этого.

– Стефан, я рад приветствовать вас в нашей резиденции.

Стефан только поклонился в ответ.

Затем император просто развернулся и пошел обратно вместе со своей свитой. Перед ними осталась только одна женщина. Урджин повернулся к Эсте и Стефану:

– Позвольте представить вам мою мать, Нигию.

Эста присела перед свекровью в таком же низком поклоне, как недавно перед императором. Стефан в свою очередь склонил голову.

– Наконец мы встретились с вами, Эста.

Нигия протянула руки к невестке и обняла ее за плечи.

– Вы просто обворожительны, девочка моя! Почему же Лу не упомянул об этом?

– Я задаю себе тот же вопрос, мама, – ответил Урджин.

Эста и Стефан переглянулись. Оба не поняли, о чем идет речь.

– Может быть, хватит разговоров на эту тему? – резко оборвала всех Сафелия. – Давайте лучше обсудим прием.

– Какой прием? – удивилась Эста.

– Дорогая Эста... – Нигия встала возле невестки, и положив руку ей на плечо, повела ее вперед. – Послезавтра в нашей резиденции состоится прием в честь вашего прибытия на Доннару. К сожалению, времени на приготовления осталось совсем немного. Однако кое-что сделать мы все же успели. Завтра вы с Сафелией полетите на Рубрин – это один из наших спутников. Там все знатные лица Доннарской империи совершают покупки. Поскольку мы не знали о вас ровным счетом ничего, было подготовлено очень много вариантов вечерних платьев. Кроме того, через неделю вся семья выезжает на наш остров в Вершем океане: думаю, Сафелия окажется незаменимой помощницей в подборе пляжных нарядов. У нас принято купаться всем вместе. Надеюсь, это не является для вас проблемой?

Эста рассмеялась так искренне и громко, что Нигия, оторопев, остановилась. Урджин, занервничав, остановился возле нее.

– Все в порядке, – поспешила всех успокоить Эста. – Теперь я понимаю, что никто из вас ничего не знает об олманцах.

– Разве у вас не принято купаться мужчинам и женщинам раздельно? – засомневалась Нигия.

– Во времена моих пра-пра-пра... может, и было! Конечно, определенные ограничения для незамужних девушек на нашей планете существуют. Так, например, Сафелия, по олманским законам, не смогла бы носить наряды с открытыми плечами.

– А как тогда купаться? – спросила Сафелия.

– Специальный купальный костюм: штаны и водолазка.

– А эти ваши пресловутые плащи и перчатки, которые так любят все олманки? – спросила Нигия.

– Я привезла вам несколько таких плащей в подарок. Думаю, как только вы их примерите, снимать уже не захотите. А перчатки – всего лишь атрибут.

– Подаркам мы все будем очень рады, – заметила Сафелия.

– Значит, за покупками мы полетим завтра, – обреченно заключила Эста.

– Почему вы с такой грустью говорите о возможности прекрасно провести время и повеселиться? – удивилась императрица.

Стефан, все это время спокойно следовавший за остальными, вдруг резко остановился. Сафелия, заметив это первой, привлекла внимание остальных. Эста тут же бросилась к брату.

– Что случилось? – забеспокоилась Нигия.

Эста подняла указательный палец, призвав всех к молчанию.

– Стефан, что ты видишь? – спокойно спросила она.

– Тебя, – ответил он. – Ты злишься и сильно расстроена.

– Почему я злюсь?

– Они уничтожили твой плащ.

– Кто «они»?

– Не знаю, – монотонно произнес брат.

– Что еще?

– Сафелия, она плачет.

– Ты знаешь, почему? – Эста опасливо взглянула на сестру Урджина.

– Она напугана.

– Я испугала ее?

– Нет. Нет, только не это! – закричал Стефан.

– Что ты видишь? – повторяла Эста, застыв напротив его лица.

– Урджин, помоги, помоги мне!

– В чем он должен помочь, Стефан?

Брат с силой схватил Эсту за плечо и потрянул что было силы. Она вскрикнула от неожиданности. Урджин среагировал мгновенно и в одну секунду оказался между ними. Он ловким движением выкрутил Стефану руку и потащил его в сторону, но тот начал сопротивляться и заорал:

– Эста, ты знаешь, что должна делать!

Только потом он перевел взгляд на Урджина и занес свободную руку над ним. Эста в ужасе бросилась к брату:

– Не смей!

Стефан, полностью дезориентированный, взглянул на нее.

– Было видение. Урджин помог мне. Все хорошо.

Урджин отпустил олманца и загородил собой жену.

– Все в порядке, Урджин, – раздался голос Эсты за его спиной. – Стефан не причинит мне вреда.

Урджин спокойно отошел, но не дальше, чем на расстояние вытянутой руки от нее.

Нигия смотрела на сына с лукавой улыбкой. Его серые глаза потемнели, и каждое движение следовало единой цели: защитить эту молодую красивую девочку. Мать улыбалась, потому что видела то, чего ее сын, возможно, еще долго не сможет признать.

– Видение было нечетким, – заговорил Стефан. – Набор отдельных фрагментов.

– Ты что-то говорил про меня, – напомнила Эста. – Еще просил Урджина помочь.

– Да?

– Не помнишь?

– Смутно. Что-то случится, сестра. Ты пострадаешь.

– Я это уже поняла. – Эста выдохнула.

– Когда это произойдет, ты можешь сказать? – спросил Урджин.

– Нет, к сожалению. Может, сегодня, а может, через месяц.

– Отлично! Просто замечательно!

Олманка только рассмеялась.

– Ей говорят, что с ней случится что-то плохое, а она смеется! – возмутился Урджин.

– Если бы ты знал, сколько раз он предрекал мне что-то ужасное, не воспринимал бы все так серьезно. Я вполне самостоятельна и за себя постоять смогу.

– Я еще не успел оценить твое мастерство.

– Показательных выступлений не будет, не надейся.

– Все так ужасно? – Муж вкинул бровь.

Эста засмеялась еще громче.

– Учитель говорит, чтобы я в приличном обществе даже намекать не смела, что в моих руках может оказаться керитский меч.

– Керитские мечи – это те, что из светоотражающей стали с двусторонней заточкой? – Урджин прищурился.

– Те самые. Прекрасное оружие в руках мастера.

– Охотно верю, но предпочитаю мечам что-нибудь из лазеров.

– Всегда плохо стреляла.

Урджин схватился за голову и провел руками по волосам.

– Стефан, вы тоже только керитскими мечами владеете?

– Подобно вам, я предпочитаю лазерное оружие. Хотя и техники энергетических ударов мне не чужды.

– И одним из этих приемов вы только что хотели отделаться от меня?

– Наверное, да. Извините, это рефлекторное поведение.

– Понимаю, – кивнул Урджин. – Ладно, давайте я покажу вам резиденцию и ваши комнаты.

– Чудесно, – согласилась Эста.

– Ты видишь то же, что и я? – обратилась Нигия к дочери, чуть отдаляясь от гостей.

– Мама, я наблюдаю за этим уже четыре дня, – со вздохом ответила Сафелия.

– Меня беспокоит ложь Лу. Наверняка это был приказ отца, вот только зачем ему это?

– Думаешь, мы чего-то не знаем о поездке делегатов?

– Попробуй завтра расспросить Эсту. Возможно, она расскажет о том, что произошло семь лет назад. Тогда и узнаем, о чем еще не поведал нам Лу.

– Мне нравится Эста. – Сафелия сжала ладонь матери. – Жаль, что ты не видела, как она поставила Урджина на место, когда речь зашла о политике невмешательства Доннарской империи.

– У нее умные глаза. – Нигия кивнула. – И, в отличие от Клермонт, эта девочка никогда не будет ничего делать исподтишка.

– А что ты думаешь насчет предсказания?

– Поживем – увидим, – пожала плечами императрица. – Напугать тебя не так-то просто. Будь осторожна.

– Я постараюсь, мама.

Глава 3

«Стеклянная» резиденция поразила Эсту своей роскошью и помпезностью. Пять этажей, высокие потолки и последние технические новинки, вплоть до голосового управления электричеством и водоснабжением, вызывали определенный трепет. Золото, платина, серебро, натуральные камни были обязательными элементами отделки любого помещения в этом огромном дворце. Ковры, плитка, мозаика, деревянная мебель и штукатурка сочетались с пластиком, сталью и всевозможными электронными приборами. Стеклянные двери здесь можно было открыть, не только проведя рукой по сенсорному датчику, но и вручную, как она привыкла. Стены снаружи действительно казались полупрозрачными, однако на деле, войдя внутрь, человек оказывался в обычном помещении с окнами. Все голографические портреты были обрамлены позолоченными деревянными рамами. Каждый предмет интерьера бросался в глаза роскошью и изысканностью, начиная с ваз для цветов и заканчивая завязками на тяжелых портьерах.

Урджин провел их практически по всей резиденции, минув только подвальные помещения и одно крыло, в котором располагались рабочие кабинеты.

Стефана поселили в гостевой, глядя на убранство которой, Эста не смогла представить себе роскошь хозяйских покоев. «Куда более?» – подумала она и почувствовала себя деревенской простушкой в чужом замке.

– Я думаю, что лучше всего собраться вместе за ужином через час внизу, – без тени смущения заметила Нигия и тут же предложила сыну показать Эсте ее комнату.

Все присутствующие сделали вид, что не поняли намек на некую интимность этого шага, и дружно признались, что очень устали и желают немного отдохнуть перед ужином.

Эста шагала за Урджином в полном молчании. Наконец они остановились у большой двери из черного стекла. Урджин поклонился и изобразил руками приглашающий жест. Олманка открыла дверь и буквально влетела в этот храм изыска и женственности. Комната была по-настоящему великолепной. Вся в золотисто-зеленых тонах, украшенная букетами живых цветов самых разнообразных оттенков, она нисколько не давила на посетителя своей пестротой. Справа Эста увидела большую кровать с резными спинками и деревянными колоннами. Шелковый балдахин спускался сверху и был аккуратно присборен маленькими завязками по углам кровати. Немного левее располагалось настоящее трюмо, а правее – нефритовый камин. Пространство в центре было целиком и полностью отведено лишь одному ковру, в ворсе которого ноги Эсты буквально утопи. Вдоль противоположной от кровати стены девушка увидела небольшое рабочее бюро со множеством мелких ящичков и две внутренние деревянные двери. Она повернулась к Урджину, чтобы спросить разрешения заглянуть в них, но он только ответил:

– Теперь это – твоя комната.

Эста заглянула сначала в одну дверь: это была ванная. Умывальник, джакузи, душевая кабина и туалет, – все белоснежное, окруженное темно-синей и золотой мозаикой. Эста направилась к другой двери, и, приоткрыв ее, обнаружила длинную гардеробную. В ней не было ни одной вещи, что немного радовало, ведь таким образом ей давали понять, что она сможет носить то, что посчитает нужным.

Обернувшись, чтобы еще раз окинуть взглядом свое новое пристанище, Эста заметила возле камина карниз и тяжелую портьеру, одну из тех, что украшали окна. Она подошла к ней, откинула и обнаружила еще одну дверь. Не собираясь останавливаться на достигнутом, Эста шагнула в нее и оказалась... в комнате Урджина.

До этого момента ей в голову приходила мысль о том, что отныне они всегда будут жить рядом. Но она и представить себе не могла, что муж сможет беспрепятственно вторгаться в ее

личное пространство всегда, когда пожелает. Разочарование – это именно то, что она испытала в тот момент. У каждого человека должно быть что-то свое, место, где он будет чувствовать себя в полной безопасности, где его никто не сможет потревожить. Отныне у нее такого места не было.

Она вернулась в комнату и захлопнула за собой дверь. Этот жест удивил Урджина, и он опять почувствовал знакомый холод.

– Ты не хочешь взглянуть на мою комнату?

– Нет, спасибо.

– Что случилось, почему ты злишься? – беспокоился он.

– С чего ты взял, что я злюсь?

– Я это в прямом смысле чувствую. Когда ты впадаешь в состояние гнева, на меня словно ушат холодной воды опрокидывается.

Эста несколько удивилась его признанию, но виду не подала.

– Я хотела бы остаться одна, если ты не против.

– Ты расстроилась из-за того, что моя комната смежная с твоей?

Эста молчала. Урджин вскинул руки.

– Ну это же просто смешно! Я не собираюсь врваться к тебе без приглашения посреди ночи!

– Я устала и хотела бы привести себя в порядок перед ужином.

– Это все, что ты можешь мне сказать?

– Закрой за собой дверь, – отчеканила она и направилась в ванную.

– Отлично! – воскликнул ей вслед Урджин и вышел через смежную дверь, громко захлопнув ее за собой.

На ужин, как планировалось, все собрались внизу. Урджин искренне надеялся, что гнев Эсты чудесным образом сменится на милость. Кроме того, он рассчитывал наконец-то увидеть ее без этого ненавистного плаща, что напрочь скрывал от его глаз фигуру супруги. Однако Эста не была бы самой собой, если бы не просчитывала все наперед. И конечно же, как любая женщина, она хотела потянуть время и подать себя перед доннарийцами эффектно. Она прекрасно понимала, что им интересно увидеть ее в обычной одежде, рассмотреть с ног до головы, но посчитала, что небольшое ожидание лишь усилит ее собственное удовольствие от этой игры. Именно поэтому дорожный черный плащ она сменила на легкую шелковую фиолетовую накидку, под которой нельзя было увидеть ни единой части тела. Кроме головы, естественно. В этой накидке были предусмотрены прорезы для рук, посему Эсте пришлось облачиться в водолазку с длинными черными рукавами и перчатки. И никто даже не догадывался, что на ноги она надела высокие ботфорты с короткими черными облегающими шортиками.

Урджин был действительно разочарован. Абсолютно неприглядное облачение ничего не говорило о своей хозяйке, кроме того что либо Эста издевается над ним, либо стесняется чего-то. Последняя мысль ему не понравилась, и он сразу же выкинул ее из головы. Осталось только «форменное издевательство».

Весь вечер разговоры велись сугубо между старшим поколением семьи Урджина и Стефаном. Обсуждались политические взгляды, пристрастия и будущее заседание Межгалактического Совета. Ни слова о ситуации с пропавшими кораблями и зачистками на Навернии Стефан не проронил.

Урджин молчал весь вечер, ограничиваясь односложными «да» или «нет». Эста же получала истинное удовольствие, кидая насмешливые взоры в сторону мужа и брата. При взгляде на угрюмое лицо первого она думала о том, насколько бы понравились ему ее вызывающие шортики, что прятались под накидкой. А при взгляде на второго перебирала в уме оттенки багрового цвета, которые заиграли бы на лице брата, если бы он увидел ее в таком наряде.

И только Сафелия, внимательно наблюдавшая за Эстой и по выражению ее лица в моменты, когда та бросала взгляды то на одного, то на другого из мужчин, подозревала, что невестка размышляет о чем-то неприличном.

– Эста, я бы хотела вылететь завтра пораньше, – обратилась к ней Сафелия. – До Рубрина тридцать минут перелета, но, боюсь, на выбор нарядов, обуви и всего прочего и так мало времени.

– День – это мало? – удивился Урджин.

– Мужчинам не понять, – отрезала Сафелия. – Эста, предлагаю позавтракать вдвоем пораньше, часов в восемь, и сразу вылететь.

– Я не против, – улыбнулась та.

– Кто полетит из охраны? – снова спросил Урджин.

– Джо и Патуин.

– Двое – слишком мало. Шестеро минимум.

– Возьмем еще Филиппа и Лори. Четверых будет достаточно.

– Я же сказал, шестеро.

– По два человека на двух женщин – вполне безопасно, – настаивала Сафелия.

– Мне охрана не нужна, – вступила в спор Эста.

– Это не тебе решать. Ты слишком важная персона, чтобы свободно разгуливать без охраны, – отрезал Урджин.

Стефан вжался в стул, предчувствуя, какой сейчас разразится скандал, но Эста, к его превеликому удивлению, просто согласилась с мужем:

– Пускай двое из шестерых просто будут поблизости. Обилие охраны лишь привлечет к нам внимание. Остальные четверо могут идти рядом с нами. Если они люди опытные, должны справиться.

Урджин тоже, похоже, не ожидал такой легкой победы, посему вопросительно глянул на жену. Но девушка просто отвернулась от него в другую сторону.

Урджин ушел к себе раньше всех. Уже лежа в постели, он думал о том, что эта женщина наверняка сведет его с ума.

Эста знала, что Доннара более богатая и современная планета, нежели Олмания или Наверния. Но вся пестрота ее городов с парящими в небе зданиями и летающими потоками кораблей действовала на нее угнетающе. Здесь было мало зелени, а натуральные природные материалы заменили сталь и пластик. Все блестящее, сверкающее, и можно даже сказать – красивое, однако Эсте здесь не хватало природного тепла.

Рубрин оказался маленьким доннарийским спутником, на поверхности которого были построены самые элитные торговые центры. Все они располагались под огромным куполом, где была создана искусственная атмосфера.

– Для начала мы отправимся в магазинчик Буке, – затараторила Сафелия. – Там для нас приготовили самые лучшие варианты вечерних нарядов.

Эста молча следовала за Сафелией рядом с двумя высокими, крепко сбитыми парнями из отдела охраны. Единственное, что поразило олманку, так это количество посетителей в столь ранний час. Сафелия просто кивала всем, кто успевал впопыхах присаживаться перед ней в реверансе. Эста и вовсе не реагировала на происходящее, спрятавшись под своим любимым плащом.

– Такое ощущение, что все знали, что сегодня утром мы явимся за покупками, – пробурчала Сафелия себе под нос.

– Меня это не удивляет, – спокойно ответила невестка. – Представляешь, какую прибыль сегодня получают все эти магазинчики?

– Я не подумала об этом. Ну вот, мы и пришли.

Они остановились перед стеклянными дверями огромного магазина под названием «Мисс Буке». Навстречу к ним тут же кинулись четыре девушки-консультанта. Двери магазина были немедленно закрыты, а стекла затемнены. Мисс Буке оказалась милой женщиной лет пятидесяти, в узких очках для чтения. Она любезно предложила посетителям напитки, усадив клиенток в закрытой округлой комнате с зеркалами, а охрану выставив за двери.

– Для начала я хотела бы увидеть фигуру ее светлости.

– Просто Эста, – попросила ее светлость, чем весьма удивила мисс Буке.

– Эста... – Женщина запнулась.

– Мисс Буке, моя невестка не любит церемониться, когда речь идет о деле. Я с ней в этом полностью солидарна, посему сегодня, по крайней мере, обойдемся без этих «ваша светлость». Просто Сафелия и Эста.

– Конечно, – согласилась перепуганная мисс.

– Итак, моя фигура, – сказала Эста и вышла в центр комнаты.

Сафелия затаила дыхание. Плащ слетел с плеч. Вслед за ним на диван отправились два керитских меча в блестящих черных ножнах, и, наконец, дорожный облегающий костюм и сапоги на невысоком каблуке.

Сафелия и мисс Буке впали в транс. Перед ними стояла девушка среднего роста в изысканном нижнем белье, обладательница женственных покатых плеч, пышной округлой груди, тонкой талии и стройных ног. Но главное, что шокировало женщин – это знакомая Сафелии темно-синяя татуировка в виде языков пламени, что покрывала всю правую половину тела Эсты. Как и у брата, она начиналась на шее и заканчивалась на руке у самой кисти, а на ноге – у стопы.

Сафелия сорвалась с места и подошла к Эсте.

– Ничего себе! Когда ты ее сделала?

– Не знаю. Сколько себя помню, столько она была на моем теле. С возрастом, конечно, пришлось кое-что корректировать, чтобы внешний вид не испортился. А у твоего брата такая же?

– Точно такая же и тоже с самого детства. Только у него слева, если ты заметила.

– А он знает, для чего ее сделали? – Эста пыталась уследить за расхаживающей вокруг нее Сафелией.

– Нет. Мама рассказывала, что в раннем детстве к ним прилетела делегация от Совета Всевидящих с приказом выполнить на теле Урджина определенный рисунок. Эскиз они привезли с собой. Ослушаться воли Совета родители не могли, потому в пять лет Урджину набили татуировку. А ты знаешь, зачем все это? – девушка наконец-то остановилась напротив нее.

– Нет. Я даже не знаю, когда ее сделали.

– Как это?

– Очень просто. До трех лет мы со Стефаном жили с родителями отдельно от дяди Науба.

– Ваши родители погибли, когда вам со Стефаном было всего лишь три года? – опешила Сафелия.

– Да. Нас вырастил дядя Науб.

– И он тоже не знает, откуда у тебя татуировка?

– Нет. Я надеялась, что Урджин ответит на этот вопрос, но, видимо, он в том же положении, что и я.

Сафелия утвердительно кивнула и прищурилась.

– Ты ведь понимаешь, что все это может значить?

– Что мы обещаны друг другу с детства? – предположила Эста.

– Именно! Представляешь, как удивится Урджин, когда узнает?

– Представляю. – Эста едва сдержалась, чтобы не закатить глаза.

После этого разговора начались примерки. К обеду, когда туфли и аксессуары были окончательно подобраны, девушки покинули магазин мисс Буке и отправились за пляжными покупками.

Урджина оторвал от дел стук в дверь. Он спокойно снял обруч голографического компьютера и открыл незваному гостю. Стефан без приглашения ворвался к нему.

– Урджин, беда. Я чувствую, что-то происходит вокруг Эсты и Сафелии.

– Что именно ты чувствуешь?

– Сильные волнения энергии. Это негативные бури.

– Ты пытался связаться с сестрой?

– Да, но она не взяла с собой передатчик. Вечно бросает его, где попало. Опять на корабле оставила, наверное. Я потому и пришел. Свяжись с Сафелией и прикажи им немедленно возвращаться домой.

– Все настолько серьезно, по-твоему? – засомневался Урджин.

– Более чем.

Сафелия выбрала для Эсты желтую майку на бретельках и с переливающейся бабочкой на груди и такие же желтые короткие шорты со стрелками и широким поясом.

– Вот, примерь.

– Симпатичный костюмчик. Взгляни на босоножки, которые я нашла. Как раз сюда подойдут.

Эста показала золотые на плоском ходу босоножки с ящерицей на стопе, хвост которой заканчивался застежкой на щиколотке.

– Примеряй скорее. Я пока еще что-нибудь подберу.

В этот момент раздался звонок. Один из охранников подошел к Сафелии и протянул ей передатчик. Эста, которая за несколько секунд успела раздеться и натянуть на себя шорты с майкой, выглянула из примерочной.

– Кто это?

– Сейчас узнаем. Да. А, привет Урджин. Все в порядке.

Эста стала крутиться перед Сафелией с целью продемонстрировать наряд.

– Отлично! Это я не тебе, Урджин. Почему? Что-то случилось? Что значит «не спорь со мной»?

Эста нахмурила брови.

– Ладно. Хорошо. Мы вылетаем. Будем минут через сорок-пятьдесят. Хорошо. Все. До встречи.

– Что такое?

– Нам приказано немедленно возвращаться домой. – Сафелия с прискорбием развела руками.

– Что-то случилось?

– Урджин не объяснил.

– Жаль. – Эста вновь взглянула на себя в зеркало. – Но этот набор я все же куплю.

– Переодевайся, я тебя здесь подожду.

Как только Эста вернулась в примерочную, во всем магазине резко погас свет. Она бы не обратила на это внимания, если бы через несколько секунд он вновь загорелся. Однако этого не произошло, а значит, запасной генератор не сработал. За дверями магазина слышались крики.

Реакция девушки была моментальной. Она схватила оба меча и закрепила удерживающий пояс с ножами на талии. Выйдя из примерочной, она шепотом позвала Сафелию.

– Да. Я здесь, с Филиппом. Остальные у дверей.

Эста взяла Сафелию за руку и повела за собой к дверям.

– Только тихо. Не шуми.

– Что происходит? – растерялась Сафелия.

– Не знаю. Надеюсь, просто проблемы с электричеством.

Эста тихо приоткрыла затемненную дверь магазина и поняла, что весь центр погружен во мрак. Люди впали в настоящую панику. Отовсюду доносились крики и ругань.

– Так, возвращаемся на корабль. Ребята, двое идут спереди, двое сзади. Я прикрываю Сафелию.

– Но...

– Это приказ, – отрезала олманка. – Пошли.

Как только дверь магазина распахнулась, она увидела сверху странный красный огонек. Она уже видела такие раньше: на тепловизорных прицелах маленьких ракетниц. В одно мгновение Эста схватила Сафелию за руку и что было силы рванула в противоположную от охраны сторону.

– Ложись!!!

Светящийся огонек приближался с огромной скоростью, освещая пространство вокруг себя. Эста знала только одно: спасти их может толстая, лучше – стальная преграда, за которой тепловой датчик потеряет цель, и ракета сойдет с курса.

Она потянула Сафелию к сплошным стальным перилам, ограждающим пролет этажа, на котором располагался магазин, и упала на нее. Ракета пролетела мимо них и врезалась в зеркальные двери. Стекло посыпалось на пол, а через долю секунды раздался мощный взрыв. Поток воздуха ударил в Эсту с Сафелией, прижав обеих к стальной ограде. Сработала система пожаротушения. Эста поднялась с пола и в слабом мерцании огня разглядела фигуры четырех мужчин, приближавшихся к ним. Схватив Сафелию за руку, она рванула вперед.

– Беги за мной!

– А где ребята?

– Не знаю. Когда скажу, опять беги к ограде и падай.

– Куда мы бежим? – не понимала Сафелия.

– Туда, где хоть что-то можно увидеть.

Молодые высокие люди с лазерными пистолетами бежали прямо на них. Эста достала из ножен два длинных тонких керитских меча. Гладкая сталь едва поблескивала, отражая то малое количество света, который исходил от полыхающего магазина. Молодые люди, словно по команде, начали стрелять, но Эста, постоянно меняя положение своего тела, так быстро вращала мечами в воздухе, что все лазерные пучки отражались от затейливого сплава керитских мечей и улетали прочь.

– Ложись!

Сафелия тут же поняла приказ и бросилась к перилам. Она видела, как Эста подбежала к одному из людей, стрелявших в них, и ловким движением рук, с полуоборота нанесла смертельный удар двумя мечами по груди. Немедленно развернувшись от падающего тела противника, она кинулась к ограждению. Ракета пролетела мимо нее и врезалась в витрину соседнего магазина. Взрыв оглушил доннарийку.

Эста полетела на троих, открывших огонь. В своем желтом наряде она, словно светлячок, мелькала перед глазами Сафелии. Стальные мечи поблескивали в воздухе, отбирая одну жизнь за другой. Когда третий мужчина упал, Эста развернулась к зловке. Она что-то кричала ей, но из-за звона в ушах разобрать, что именно, было невозможно.

Олманка вернулась и присела возле Сафелии. Осознав, что та ничего не слышит, она указала рукой в сторону выхода. Сафелия кивнула и тут же поползла в ту сторону. Эста же снова сорвалась с места и побежала куда-то. На этот раз доннарийка увидела тела двоих охранников, лежащие на полу. Где-то в полутьме замелькала знакомая сталь. Она выглянула за ограждение

и заметила ракету, летящую в сторону Эсты. Единственное, что она могла сделать в данной ситуации, – это закричать, что было силы:

– Эста, ложись!

Девушка услышала, и, нанеся последний удар, метнулась к ограждению. Чудо спасло ее, и она все-таки разминулась с ракетой. Неизвестно, сколько бы все это продолжалось, если бы вдруг в центре не включился свет и откуда ни возьмись не появилась полиция. Эста воспользовалась общей суматохой и потащила Сафелию к кораблю. Они уже поднялись на борт, когда к Сафелии вернулся слух.

Навстречу выбежал перепуганный пилот.

– Поднимайте корабль в воздух, – скомандовала Эста.

Как только дверь грузового отсека закрылась, кто-то окликнул Сафелию по имени. Это был незнакомый голос, и когда она обернулась, первое, что увидела, было дуло плазменного пистолета, направленное ей в лицо. Доннарийка оторопела.

– Дайте команду открыть дверь, – приказал мужчина.

Эста знала, что делать этого нельзя, поэтому попыталась выиграть время. Она спокойно подошла к золовке и встала перед ней. Дуло оружия уперлось ей в лоб. Сафелия пребывала в состоянии оцепенения и только и смогла, что отступить на шаг назад.

– Что вам нужно? – заговорила с незнакомцем Эста.

– Прикажите открыть двери, иначе я разнесу вашу прелестную головку.

В этот момент корабль резко дернуло, и незнакомец потерял равновесие. Этих долей секунды было достаточно для Эсты, чтобы выхватить меч и рассечь ему горло. Кровь под напором брызнула по сторонам. Олманка едва увернулась от красных брызг. Сафелия закричала и в слезах упала на колени. Эста схватила какую-то тряпку, валяющуюся на полу, и накрыла тело. Затем подошла к Сафелии и помогла ей встать.

– Не плачь, не нужно, все хорошо.

– Как ты можешь быть такой спокойной?

– Я просто не даю своим эмоциям взять верх над разумом, вот и все.

Весь путь домой они просидели на полу в грузовом отсеке. Как только Эста почувствовала, что корабль приземлился, она встала и помогла Сафелии подняться.

– Держи себя в руках. Наверняка твои родители и брат не находят себе места. Если ты выйдешь отсюда в слезах, они расстроятся еще больше.

– Ты говоришь так, будто о тебе никто не беспокоится.

– Мои глаза, в отличие от твоих, сухие.

– Ты вообще выглядишь раздраженной.

– Они уничтожили мой любимый плащ.

В этот момент двери отсека стали открываться, и дневной солнечный свет ослепил их.

Урджин не находил себе места. Пилот сообщил, что они возвращаются и с женщинами все в порядке, но воспоминание о видении Стефана, в котором Сафелия плакала, а с Эстой что-то случилось, не покидало его голову.

Наконец двери грузового отсека открылись и из полумрака вышли две стройные девушки. Сафелию он узнал сразу. Она плакала. Увидев мать, тут же бросилась к ней. Волосы растрепаны, одежда порвана. Вид у нее был совершенно ужасный.

Он перевел взгляд на Эсту и оторопел. Что произвело на него больший эффект: татуировка, точно такая же, как и у него самого, или тело, при взгляде на которое у него внутри все перевернулось, – он не знал. Она шла уверенным шагом по направлению к брату, стоящему возле него.

Урджин подбежал к ней, обогнав Стефана.

– С тобой все в порядке?

– Они уничтожили мой любимый плащ! – прошипела Эста.

– Плевать на плащ! С тобой все хорошо?

– Да. Я хочу принять душ. Сафелию оглушило взрывом. Необходимо, чтобы ее осмотрел врач.

Эста на скорости пролетела мимо Урджина. Он схватил ее за руку и с силой прижал к себе. Такой жест с его стороны удивил девушку, и как ни казалось ей до этого, что все хорошо, только сейчас, сокрушенная силой его объятий, она поняла, насколько заблуждалась.

Тепло... Его тепло заставляло ее постепенно расслабляться и выталкивать из своих мыслей тот ужас, что ютился в сознании. Эста почувствовала, как теряет силы и тонет в его сильных руках. Она схватилась за его рубашку и сжала нежный материал в кулачках.

– Эста, все хорошо, – прошептал Урджин ей на ухо, и от таких простых слов ее сердце зануло.

Урджин ласково поглаживал ее шею под спутавшимися локонами волос, когда почувствовал резкий толчок в грудь. У Эсты подкосились ноги, и она поняла, что проваливается в пропасть.

– Урджин, – прошептала она.

Снова толчок – это Эста была Урджина в грудь. Непроизвольно ее тело охватывала судорожная волна, и она с силой отталкивала мужа. В конце концов она окончательно потеряла нить происходящего и повисла на руках Урджина.

– Стефан!

Брату достаточно было взглянуть на нее, чтобы понять, в чем дело.

– Только не это! Урджин, помоги мне, помоги! Положи ее на землю и держи что есть силы.

– Что с ней?

– Она скачкообразно теряет энергию. Кто-то закрепил на ней дыру.

– Что?

– Держи ее.

Стефан наклонился над телом сестры и положил руки ей на голову. Его лицо было таким напряженным, будто ему требовалась недюжинная сила. Вдруг Эста изогнулась под руками Урджина.

– Держи ее! – закричал Стефан.

Эста открыла испуганные глаза и попыталась вырваться, но ничего не вышло.

– Эста, ты знаешь, что должна делать! Лежи смирно. Иначе будет еще больнее.

Она не понимала, что брат говорит ей. Голова раскалывалась, словно в нее вбивали кол, а суставы скручивало, будто кто-то выламывал их. Толчок – и боль усилилась настолько, что терпеть ее стало невозможно. Эста закричала что было сил. Слезы прыснули из глаз и ручьями потекли по щекам. Еще толчок. И снова. Она кричала, но облегчение все не приходило. Наконец силы совсем покинули ее. Последнее, что она видела – это полуденное пасмурное небо красивых и суровых глаз.

– Эста, проснись. Ну, давай же, Эста.

Знакомый голос доносился откуда-то издалека. Эсте не хотелось шевелиться, однако он не отставал.

– Малыш, давай, открывай глазки. Уже утро и пора вставать.

Эста подскочила будто ошпаренная.

– Утро? Какое утро?

Урджин сидел на краю кровати, держа Эсту за руку.

– Ты проспала весь день и всю ночь. Теперь утро и пора вставать.

– Прием сегодня?

– Да. В шесть.

Эста откинулась на подушки и только теперь поняла, что лежит перед ним в роскошной шелковой ночной рубашке, под которой явно нет белья. Она отдернула руку и натянула одеяло до подбородка.

Урджина такое поведение рассмешило.

– Что со мной произошло?

– Стефан сказал, что на тебе закрепили дыру. Она, мол, постепенно расширялась, создавая утечку твоей жизненной энергии, пока наконец мы это не заметили.

– Он замкнул цикл?

– Да, – вздохнул Урджин.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось при этом присутствовать. Зрелище обычно неприятное.

– Не говори так. С тобой все в порядке, и это главное. Меня больше волнует то, что кто-то действительно покушался на тебя.

– И ты туда же, – вздохнула Эста.

– Малыш, глупо все отрицать. Эти ваши олманские штучки знаете только вы, да и действуют они только на вас.

– «Малыш»? – переспросила Эста.

– Извини, но мне такое обращение по душе.

– Кто меня переодел?

– Сафелия, мама и несколько помощниц.

– Это не моя ночная рубашка.

– У Сафелии этого добра хватает. Целый склад абсолютно нового белья.

Эста улыбнулась.

– Я хотел поблагодарить тебя.

– За что?

– За то, что спасла жизнь моей сестре.

– Мы с ней квиты. – Эста пожала плечами.

– Ты можешь хотя бы предположить, кому так мешаешь?

– Я не первый наследник, и врагов у меня нет. Не знаю, честно. Нужно хорошенько над всем этим подумать.

– Подумай, – настаивал Урджин. – Сафелия сказала, что ваши покупки, которые успели принести на корабль до того, как все случилось, она забрала с собой. Так что вечерний наряд заберешь у нее.

Эста закрыла глаза и тяжело вздохнула.

– А где Стефан?

– Он заходил раньше, но мы решили тебя не будить.

– Мы? Ты что, провел здесь всю ночь?

– Почти здесь. Я устроился по соседству, если помнишь...

Эста застонала и отвернулась от него.

– Вообще-то, я переживал за тебя, – укоризненно заявил Урджин. – Надеюсь, что ты больше не будешь так спешить сделать меня вдовцом?

– Я постараюсь, – ответила она.

Он встал и направился к смежной двери.

– Урджин, – окликнула его Эста.

– Да.

– Ты не спрашиваешь меня об этой татуировке.

Он остановился и ненадолго задумался.

– Когда-нибудь ты расскажешь мне все сама, – наконец ответил он.

- Но я ничего не знаю.
- Значит, не расскажешь. – Урджин улыбнулся.
- Спасибо тебе за все.
- Не за что.

День прошел в полном сумбуре. Нигия по возможности старалась не обременять и без того уставшую Эсту, однако совершенно обойтись без ее помощи она не могла. В два часа дня Нигия принесла план рассадки гостей. Эста пробежалась глазами по схеме, внесла несколько корректив и обратила особое внимание на два знакомых имени в списке. Первое принадлежало человеку, которого Эста не видела около двух лет. Второе – персоне, которую она никогда не встречала, и встречать не хотела.

- Зафир обещал прилететь?
- Да, он ответил на приглашение за несколько дней до твоего прибытия.
- Жаль, что дяди Науба не будет.
- Ты же знаешь, заседание Совета состоится на этой неделе, и твой дядя просто не успеет подготовиться к нему.

– Конечно.

Эста всматривалась в имена гостей, сидящих за столиком вместе с ней и Урджином.

– Скажите, не можем ли мы усадить Клермонт за другой столик?

– К сожалению, нет. Ее отец – первый советник императора – всегда сидит со своей дочерью за нашим столом. Придется это пережить, девочка моя.

Эста откинулась на спинку стула, сложив руки на груди.

– Тогда мы поступим иначе. Усадите за наш стол Зафира вместо первого олманского советника, и пусть он сидит возле меня.

Нигия с удивлением взглянула на невестку. Та же ответила ей одной из своих лучезарных улыбок.

– Он мой лучший друг. В этот вечер его поддержка окажется весьма кстати.

Нигия оценила коварный план Эсты. Действительно, что может быть лучшей защитой от чар навязчивой соперницы, чем внимание самого настоящего соперника?

– Эста, позволь узнать, какое платье ты выбрала для торжества?

– К сожалению, среди вечерних платьев, которые успели доставить на корабль, моим оказалось только одно. Хорошая новость заключается в том, что оно больше всех мне понравилось. Так что королевой вечера быть не обещаю, эта роль отведена вам, но за звание принцессы поборюсь.

Нигия засмеялась.

– Я очень рада, что у тебя такое позитивное настроение.

– Я тоже...

Эста договорилась встретиться с Сафелией в половине шестого в гостиной. Там они планировали подождать Урджина и Стефана, которые должны были вывести их в свет. Ровно в пять тридцать Эста стояла в назначенном месте.

Стилист превратил ее непослушные локоны в маленькие завитки, которые в каком-то непонятном беспорядке лежали на голове, стянутые несколькими витками тонкой бриллиантовой нити. Эста была против накладных ресниц, однако милая девушка заверила ее, что такие великолепные глаза недостаточно просто затуманить тенями. Они требуют особой огранки в виде ровных рядов длинных шелковых волосков. Конечный результат был выше всяких похвал. Эста, которая до сего дня никогда не пользовалась косметикой, оценила все возможности этих специальных средств. В зеркале отражалась не женщина, а создание невиданной красоты. Желтое платье с завышенной талией ниспадало асимметричными рядами шелка до самого пола, а глубокие вырезы спереди и сзади кокетливо приоткрывали тайны ее совершенного тела.

– Здравствуйте.

Эста обернулась и увидела позади себя высокую стройную девушку в длинном белом платье с золотыми вышивками. Подобно второй коже, оно обтягивало идеальные формы ее тела. Волосы девушки, точь-в-точь такого же оттенка, как и у Урджина, были собраны в высокую прическу, подчеркивающую лебединую шею. Тонкие черные брови. Пушистые ресницы, очевидно, такие же накладные, как и у Эсты, украшали ярко-зеленые глаза.

Эста не знала, что это за незнакомка стоит перед ней с бокалом красного вина, но то, что от ее прекрасного лица даже ей невыразимо трудно отвести взгляд, стало ясно как день.

– Здравствуйте. Могу я чем-нибудь вам помочь? – вежливо обратилась Эста к девушке.

– Извините, кажется, я немного заблудилась.

Эста приблизилась к незнакомке.

– Банкетный зал в другом крыле. Быстрее добраться по улице. Необходимо выйти и свернуть налево. Вы без труда его найдете.

Девушка ослепительно улыбнулась и присела в низком поклоне, выбросив вперед руку с бокалом. Красная густая жидкость выплеснулась вперед, прямо на платье Эсты. В считанные мгновения ядовитое пятно расплозлось по красивому желтому шелку. Эста от переполнившего ее ужаса не могла даже вздохнуть.

– О боже! – воскликнула незнакомка. – Простите меня, сама не понимаю, как это произошло! – И едва успев привстать, бросилась к выходу, где лоб в лоб столкнулась с Урджином.

– Клермонт, что ты...

Он не успел договорить, так как она ловко обогнула его и выскочила на улицу. Урджин перевел взгляд на жену и только тогда понял, что случилось. Он обернулся, чтобы догнать нахалку, но в этот момент в двери вошли Сафелия и Стефан.

– О боже, твое платье! – закричала Сафелия. – Эста, что произошло?

Та набрала полную грудь воздуха и сжала кулачки. По знакомому ощущению холода Урджин уже знал, что грядет нечто ужасное.

– Спроси у любовницы своего брата!!! – закричала она и, схватив со стоящего рядом столика какую-то стеклянную фигурку, метнула ее в Урджина.

Он успел увернуться, но коллекционный хрустальный кот был навеки потерян, разбившись о стену на мелкие осколки.

– Передай своей Клермонт, которая умудрилась нарядиться как невеста, что ты уже женат, и никакими дешевыми уловками она это изменить не сможет!

Урджин вновь увернулся, и в стену полетел венец коллекции – хрустальная черепаха с изумрудными глазами. И все же... Все же он продолжал смотреть на своего прекрасного ангела, который в гневе казался ему еще более ослепительным созданием. В этот момент он с трудом разбирал, что ангел ему кричит.

– Я никого не держу! Хочешь, можешь сейчас же убираться к ней! Но не смей делать из меня посмешище!

Наконец все стихло. Эста поняла, что только что в присутствии брата и Сафелии совершенно бесстыдно оскорбляла своего мужа и едва не разбила несколько статуэток о его голову. Вдобавок она не могла появиться в этом наряде перед гостями, а другого платья у нее не было. Словно все еще не понимая, что происходит, она замерла на месте.

– Ты успокоилась? – спросил ее Стефан.

– Идите к гостям, – чуть слышно ответила она, – я приду позже.

– Но что ты собралась предпринять? – с тревогой поинтересовалась Сафелия.

Эста подняла глаза на Стефана.

– «Isho kelmene finelle, lune suremo omy».

– Nehor neti belania, Esta, – ответил ей брат и улыбнулся.

Эста развернулась, и ничего не сказав, покинула гостиную.

- Стефан? – обратилась к нему Сафелия.
- Она лишь напомнила мне одну древнюю олманскую поговорку: «Если не можешь быть кем-то, будь самим собой».
- А что ты ей ответил?
- Я пожелал ей удачи, – нагло соврал Стефан, хотя в данном случае это было довольно близко по смыслу к «укажи ей на дверь, Эста».
- Но я так и не поняла, что же она собирается делать?
- Надеть национальный костюм, естественно.
- Черный плащ? – со всей серьезностью спросила Сафелия.
- Стефан только рассмеялся в ответ.
- Да, обычно его носят с черным плащом.
- Это ужасно, Урджин! Мы же не можем позволить, чтобы Клермонт была изысканнее Эсты на этом приеме!
- Мне абсолютно наплевать, кто кого затмит, Сафелия. Моя жена только что метнула в меня фамильного хрустального кота с черепахой и показала коготки, – заулыбался наследник.
- Тебя это веселит?
- Ты даже не представляешь, как сильно, – ответил он.

Глава 4

Вначале седьмого все гости собрались у подножия широкой лестницы, расположенной посреди холла. Фривольно расхаживая с бокалами в руках, они ожидали появления той, ради которой прибыли сюда. Олманцев среди них было немного, всего пятнадцать. Остальные представляли исключительно Доннару.

Среди этого потока белокурых голов отчетливо выделить можно было только две: Урджина и Клермонт. Урджин немного нервничал, периодически бросая взгляд на часы. Клермонт же практически не отходила от него. Нет, она не пыталась вступить с ним в диалог, просто толклась рядом, так что со стороны действительно можно было подумать, что она – его невеста.

– И ты думаешь, что твоя выходка красит тебя в глазах окружающих? – злобно прошептал Урджин на ухо бывшей любовнице.

– Я и так красива, Урджин. А мои выходки всегда тебя забавляли.

– Я не выставил тебя отсюда только потому, что моя жена на твоём фоне будет смотреться куда более обворожительно, чем обычно. И это потешит не только её самолюбие, но и мое.

– Зря ты не сделал того, чем угрожал, потому что рядом со мной любая женщина будет только проигрывать. И твоя дикарка не исключение.

Он даже заглянул ей в лицо:

– Ещё одно слово о моей жене, и ты вылетишь отсюда в мгновение ока. И запомни: даже если она придет сюда в штанах и майке, ты все равно преклонишься перед ней и выразишь почести, потому что как она – моя жена, а ты – никто.

Урджин отвернулся от Клермонт в знак того, что разговор окончен, и бросил взгляд на Стефана, который был поглощен беседой с одним молодым олманцем, судя по всему, ровесником Урджина.

Высокий, сильный, с растрепанными золотистыми волосами, светящимися темно-синими глазами и правильными чертами лица, он был слишком привлекательным для мужчины. Урджин не знал, почему думал об этом, но незнакомец казался ему очень опасным. Возможно потому, что в его глазах читалась какая-то надменность, а может быть потому, что мужчины, подобные этому щеголю, способны свести с ума любую из женщин.

– Ты знаешь его? – спросил Камилли у брата, когда они с Сафелией в очередной раз подошли к нему.

– Нет. Но что-то с ним не так.

– Думаю, Стефан об этом другого мнения, – заметила Сафелия.

– Этот олманец слишком привлекателен для мужчины, – пробурчал Урджин. – Это пагубно действует на слабый пол.

– Хотела бы я, чтобы он пагубно на меня подействовал, – вздохнула сестра.

– Я передам твои пожелания Стефану.

Девушка махнула рукой.

– Передавай, мне все равно!

– Что, не клюнул наследник на твои чары?

– Он далеко не единственный во Вселенной, чтобы тратить на него время, – фыркнула сестра и, взяв Камилли под руку, снова отошла в сторону.

В этот момент свет в холле стал меркнуть. Многочисленные гости резко замолчали в ожидании чего-то важного. На лестнице в самом верху показалась Нигия. Мать семейства и жена императора как всегда выглядела неотразимо. Она медленно спустилась на несколько ступеней и, гордо подняв голову, объявила:

– Разрешите представить вам: наследница Олманской империи, супруга наследника Великой Доннарской империи, моя невестка Эста Пиолу.

Из темного коридора, ведущего на лестницу, вышло создание, подобного которому доннарийцы не видели никогда. В холле раздался приглушенный общий вздох, за которым последовали аплодисменты. Эста спокойно спустилась к свекрови и, широко улыбнувшись, взяла ее за протянутую руку. Дальше они следовали вместе.

Не хлопали только Урджин и Клермонт. Первый – потому что в очередной раз не мог поверить своим глазам, вторая – потому что видела в его глазах что-то, чего никогда не замечала раньше.

Эста в этот момент не видела ничего. Ей хотелось побыстрее со всем покончить, забраться в кровать и спрятаться под теплым одеялом.

Урджин внимательно всматривался в наряд супруги. Ее образ начинался с парика. Темные прямые волосы были аккуратно подстрижены под каре, а тяжелая челка ниспадала на глаза. На парике были закреплены нити с какими-то маленькими камнями, очевидно, бриллиантами. Некоторые из таких нитей лежали поверх волос, другие прятались под их тяжестью, но впечатление было таким, будто звезды мерцали вокруг ее головы. Все, что было надето на ней, он назвал бы одним словом: «комбинезон». Основным материалом наряда была тонкая сеточка, на которой крепились все те же мелкие камни. Из нее была сделана вся верхняя часть, включая длинные рукава и воротничок-стойку. Грудь при этом закрывала внутренняя вставка из темно-синей плотной ткани. Сеточка чуть ниже пупка превращалась в эластичный пояс от широких штанов, сшитых из такой же ткани, что и вставка на груди. Ниже колен штанишки заканчивались плотными резинками, облегающими икры. Урджин опустил голову и внимательно рассмотрел в босоножки на тонкой подошве на ногах своей жены. Только так он мог не думать о ее красивом плоском животе, украшенном темно-синим пламенем татуировки.

Как только нога Эсты коснулась пола, гости склонились в низком поклоне, отдавая дань ее величию. Стоять остались Фуиджи, Урджин, Сафелия и Стефан. И теперь, когда ее муж был перед ней как на ладони, ей некуда стало прятать взгляд. Урджин смотрел на нее, но заставить себя улыбнуться не мог. И когда их глаза встретились, Эста поняла, что этот вечер станет для нее настоящим испытанием.

Нигия подвела невестку к сыну и, соединив их руки, отошла в сторону, к мужу. Как только гости выпрямились, Урджин обворожительно улыбнулся и согнул руку в локте. Эста не замедлила опереться на нее, однако желаемого облегчения этот жест не принес. Что-то не так было сейчас между ними. Она не чувствовала привычного тепла, которое всегда согревало ее в его присутствии.

Представление всех приглашенных заняло минут сорок. Все это время Эста и Урджин стояли на одном месте с натянутыми на лицах улыбками.

Атмосфера вокруг накалилась дважды. Первый раз, когда перед ними возникли фигуры первого советника Лу со своей дочерью Клермонт. Оба поклонились, улыбнулись и, не обращая внимания на Эсту, обратились к Урджину:

– Ваша супруга выглядит просто великолепно. Пожалуй, ее привлекательность можно сравнить с магией моей дочери... – начал постаревший за эти годы советник.

Клермонт ничего не говорила. Она бросала многозначительные взгляды на Урджина, подчеркивая намеки вызывающими ухмылками.

– Я бы удержался от сравнения великолепия моей супруги, ведь во Вселенной, пожалуй, нет никого, кто бы мог сравниться с ней.

Эста понимала, что таким ответом Урджин скорее защищает не ее, а свою честь. Ведь не мог же он допустить, чтобы кто-то публично сравнивал его жену с любовницей.

– Конечно, ваша светлость, – проворчал советник и быстро отошел в сторону.

«На сцене» осталась одна Клермонт, которой, судя по всему, было что сказать. И, ко всеобщему удивлению, она обратилась непосредственно к Эсте:

– Я очень удивлена, что вы выбрали этот экзотический для нас наряд. Доннарийцы ничего не знали об обычаях олманского народа, а сегодня вы предоставили нам возможность познакомиться с вашей культурой, пусть и такой необычной...

Эста перевела эту незатейливую фразу как «Мы, доннарийцы, никогда не интересовались такими дикарями, как олманцы. А теперь мы не только узнали о вашем существовании, но и смогли удостовериться, что рядом с нами вы действительно выглядите пещерными людьми».

Ответ Эсты вполне отвечал заданному тону:

– Во Вселенной существует порядка двухсот сорока планет, населяемых людьми. И на каждой из них свои обычаи и культура. Так, например, на Мериксене белые наряды имеют право носить только вдовы. Весьма «экзотично», вы так не считаете? Думаю, благодаря нашему с Урджином союзу, жители Доннары и Олмании смогут познакомиться не только с культурой обоих народов, но и перенять некоторые обычаи друг друга.

– Какие, например? – выдавила Клермонт.

Эста наклонилась к ее уху и сказала тихо, но ровно настолько, чтобы мог услышать Урджин:

– Обучаться искусству любви до замужества. Теоретически, естественно...

Клермонт побледнела. В самом страшном сне она не могла представить, что Эста окажется ей не по зубам. Где та милая неопытная девочка, которая должна была появиться здесь? Перед ней стояла железная леди. Таковую удивить чем-либо, а тем более сломить, вряд ли кому-то под силу. Но время расставит все по своим местам, и, возможно, слово Клермонт будет последним.

– Это интересное мнение, – бросила она напоследок и отошла вслед за отцом.

Урджин вздохнул с облегчением, надеясь, что худшее уже позади. И как только он позволил себе окончательно расслабиться, перед ними возник тот самый олманец, который разговаривал со Стефаном и пришелся не по душе Урджину.

– Зафир Кеоне – подданный Олманской империи! – объявил глашатай.

– Зафир! – Эста расцвела на глазах, и это Урджину не понравилось еще больше. – Сколько мы не виделись?

– Два года.

– Урджин, позволь представить тебе моего друга Зафира.

Урджин кивнул в знак приветствия и вежливо улыбнулся. Зафир же показал два ряда белоснежных зубов и вновь обратился к Эсте:

– Ты немного изменилась, повзрослела. И от тебя до сих пор невозможно оторвать взгляд. Щеки Эсты порозовели.

– Ты всегда одаривал меня комплиментами. Спасибо, Зафир.

– Я никогда не лгал женщинам, а тебе – особенно, Sulline.

Эста приоткрыла было рот, но вовремя опомнилась. Урджин обратил особое внимание на этот жест. Он готов был встать между Зафиром и Эстой и со словами «моя женщина» объяснить по-мужски этому олманцу, что это значит.

Но самоконтроль – первое, чему его обучали с детства. И будучи хорошим учеником, он не позволил даже тени скользнуть по лицу. Возможно, он убедил всех своей невозмутимостью, что этот флирт ему безразличен, а значит, он доверяет своей супруге.

Однако Зафир был не только олманцем, но и медиумом. И один из его талантов – умение наблюдать за перемещением энергии вокруг физического тела – сейчас особенно радовал его. Цвет энергетических потоков вокруг Урджина во время их разговора постепенно сменился с голубоватого на темно-синий. Это означало только одно: наследник ревнует свою жену.

Зафир взял свободную руку Эсты в ладони, и она по старой привычке закрыла глаза.

Зал ахнул. Урджин не знал, как реагировать на эту ситуацию, поэтому решил подождать и посмотреть, чем все закончится.

Сочная трава на огромном поле вперемишку с мелкими цветами, что всегда появлялись поздней весной, и старый дуб, раскинувший свои покрытые мхом корни, – все это Эста отчетливо видела сейчас перед глазами. Это было воспоминание Зафира о Северной Кортуре на Олмании, где Эста вместе с братом и кузиной проводили несколько летних месяцев в году. Вдруг картинка изменилась, и перед глазами возникла тетушка Лилит, покинувшая этот мир три года назад. Она стояла перед ней как наяву и протягивала молодые красивые руки. Эста знала, что это воспоминание из прошлого Зафира, но почему именно его он хочет показать ей сейчас, понять не могла.

– Тот, кому достанется эта девочка, будет обладать особенным даром, раскрыть который сможет только она, точно так же, как и воплотить.

Глаза Эсты застлала белая пелена, и где-то в голове она услышала знакомый голос Зафира:

– Я вижу, что он сильный человек. И твоя энергия трепещет подле него. Он же еще не понимает, что связан с тобой. Я подскажу ему, если позволишь.

– Только не переусердствуй, – шепнула Эста и открыла глаза.

Вокруг них царила полная тишина. Урджин с какой-то опаской смотрел на нее. Стефан скромно улыбался, многообещающе глядя на сестру. Эста поняла, что он и словом не обмолвился окружающим о причинах такого поведения Зафира, и реакция гостей явно забавляла его.

– Все в порядке? – спросил Урджин.

– Да, – ответила Эста и улыбнулась. – Зафир напомнил мне о детстве и о доме. Спасибо, Зафир, пожалуй, это лучший подарок, что ты мог мне преподнести.

– Я рад, что тебе понравилось.

Зафир укоризненно взглянул на Урджина. Все вокруг него было темно-синим. Зафиру понравилось то, что он увидел, и дабы закрепить произведенный эффект, он взял наследника за руку.

Тот не понял, что произошло, потому что он вдруг оказался в огромном зале, окруженный незнакомыми ему людьми. Прямо перед ним, спиной к нему, стояла молоденькая девушка в белом подвенечном платье. Глубокий вырез на спине обнажал знакомую татуировку. Урджин взглянул на мужчин, стоящих перед ней в черных дорожных костюмах, и узнал первого советника Лу, возглавлявшего эту скромную делегацию.

– Это ваше право, – говорил он. – Однако принимая во внимание, что влияние Доннарской империи в Межгалактическом Совете несравнимо большее, нежели скромной Олманской, результат можно предугадать заранее. – Он улыбнулся. – Мы не противимся решению Совета Всевидящих. Мы лишь соблюдаем традиции своего народа.

– Хватит! – Эста подняла указательный палец, и шепот в зале стих. – Я принимаю условия Доннарской империи. В случае, если через семь лет за мной не прибудет его светлость, условия соглашения будут считаться невыполненными по вине Доннары, в результате чего вся ответственность за содеянное перед Советом Всевидящих будет нести ваша сторона.

– Безусловно, – с презрительным вздохом согласился Лу.

– Дайте мне стилус, – приказала Эста.

– Ты уверена, что хочешь так поступить? – спросил Науб. – Мы будем отстаивать наши права в Совете.

Эста повернулась к Урджину лицом. Он задохнулся. Совершенно чистые, непорочные, ясные синие глаза были наполнены слезами. Урджин хотел протянуть к ней руки, чтобы стереть слезы, но руки не слушались. Эста заморгала, чтобы осушить глаза, но крупные капли все равно потекли по щекам.

– Дядя, могу я воспользоваться твоей спиной?

– Конечно.

Она положила электронный планшет на спину Науба и расписалась на нем стилусом, который ей вложили в руку. Не поворачиваясь к делегации лицом, она передала планшет за спину.

– Это все?

– Да. Надеюсь встретиться с вами через семь лет, – ответил Лу.

Доннарийцы развернулись и направились к выходу. Эста обернулась только тогда, когда за ними закрывалась дверь. Все вокруг молчали.

– Мужчина рискнет всем только ради женщины, которой подарил сердце. Как жаль, что этой женщиной для своего нареченного стала не я.

Белый свет ослепил Урджина. Он открыл глаза и понял, что Эста заглядывает ему в лицо.

– Урджин?

– Никогда не испытывал ничего подобного.

– Надеюсь, мое воспоминание оставит такой же след в вашей душе, как и в моей, – произнес Зафир и отошел от них.

Эста не двигалась. Она не знала, что именно показал Зафир Урджину, но предчувствие, что ничего хорошего, заставило ее нервничать. Урджина захлестнула волна нежности и теплоты к этой женщине. Каким же глупцом он был? Как сильно обидел ее? Но больше всего в этот момент он не мог понять, почему Лу так вызывающе вел себя. Неужели ради дочери он готов был рискнуть своей головой? Или ему велели так себя вести? Отец? Но зачем?

Урджин знал, что рано или поздно ему придется во всем разобраться. И в этот момент понял, что на глазах и без того изумленных гостей, держит жену в объятиях.

Он и не догадывался, насколько желанным стал для нее этот порыв. Эста почувствовала себя и всемогущей, и слабой одновременно, и это новое чувство согрело ее изнутри.

Урджин вдохнул пьянящий аромат ее тела и едва слышно шепнул:

– Извини. Думаю, мы можем продолжить знакомство с гостями.

Эста спокойно отстранилась и с улыбкой продолжила исполнять отведенную ей на этот вечер роль.

После официальной части представления приглашенные расположились за большими круглыми столами. Очередным сюрпризом для Урджина стал факт, что Зафир сидит рядом с Эстой. Постоянно смотреть на жену за обедом он не мог, потому что многочисленные вопросы были адресованы именно ему, а отвечать собеседнику, не глядя в глаза, просто неприлично.

Зафир и Эста общались очень воодушевленно. Порой она просто не могла удержаться от смеха. Урджин и слова не мог разобрать из их беседы, потому к середине вечера был крайне раздражен происходящим. Лучшая месть, на которую он был способен, – это заговорить с Клермонт.

– Ты так немногословна...

– Сегодня не я хозяйка вечера, – ответила та и улыбнулась.

– Насколько я помню, твои речи было трудно остановить на любых вечерах.

– Твоей супруге и в этом таланте нет равных... Поэтому я предпочитаю молчать. Кстати, кто откроет танцевальную часть? По традиции, ты должен вальсировать первый танец. Боюсь, в этот раз традицию придется нарушить.

Эста в этот момент снова негромко засмеялась, что подстегнуло Урджина совершить самую большую глупость, на которую он был способен.

– Почему бы тебе не станцевать со мной первый танец? Думаю, Эста будет впечатлена твоим умением вальсировать.

– Если твоя жена не против, я не откажусь от столь лестного предложения.

Клермонт засмеялась. Зафир внимательно присмотрелся к незнакомке, столь радостно реагирующей на что-то. Черные дымчатые клубы вились вокруг ее тела. Зафир видел в ней

не просто завистницу. Перед ним сидел настоящий враг, темные мысли которого пожирали физическую оболочку, словно черви – сочное яблоко.

- Эста, остерегайся этой блондинки.
- Это Клермонт, Зафир. Не стоит беспокоиться.
- Стоит, Sulline.
- Больше не называй меня так.
- Ты навсегда ею останешься.

Он взял Эсту за руку, и перед ее глазами возникла картина, которую она меньше всего на свете хотела видеть. Она, вся в грязи, из последних сил пытается нести маленького мальчика на руках. Но ноги утопают в земле, пропитанной кровью невинных жертв, вырезанных, словно животные. Из сорока человек выжили только они: она и этот мальчик.

Это была ее вина. Цена за беспечность оказалась слишком высокой. С тех пор она всегда считала, что живет в долг. Она спасла сотни жизней, но лицо матери этого мальчика до сих пор снится ей. Нет больше «небесного создания», осталась только Эста.

- Зачем ты это делаешь? – прошипела она.
- Я видел свою Sulline. Не ее вина в том, что они сделали.
- Выйди Sulline тогда...
- Выйди ты тогда, погибли бы тысячи.
- Да, тридцать восемь – это совсем немного.

Когда Урджин увидел, что Зафир держит Эсту за руку, а та продолжает о чем-то говорить с ним с закрытыми глазами, оставаясь совершенно безучастной к поведению своего мужа, гнев затмил его разум. Он подал знак рукой. Свет в зале стал тускнеть. Гости приготовились смотреть на молодую пару, которая откроет танцевальный вечер.

Урджин встал со своего места. Именно в этот момент Эста открыла глаза и поняла, что вокруг царят полумрак и тишина. Она повернулась к Урджину, но, не обнаружив его рядом, подняла глаза. Он вызывающе ей улыбался.

– Дорогая, ты же была не против того, чтобы мы с Клермонт открыли танцевальный вечер традиционным вальсом.

Эста перевела взгляд на Стефана. Брат кивнул ей в знак подтверждения его слов. Тогда Эста посмотрела на Клермонт. Ее самодовольная улыбка заставила Эсту закипеть от злости. Как он мог так поступить с ней? Да как вообще у него на это ума хватило? Выставить жену на посмешище, открывая танцевальную часть приема вальсом с любовницей? Эста не могла позволить унижить себя подобным образом. Идея пришла в голову незамедлительно. Она улыбнулась сама себе и тут же обратилась к Урджину:

– Дорогой, на Олмании танцевальный вечер принято открывать танцем хозяйки приема. Надеюсь, ты не будешь против того, чтобы я исполнила традиционный олманский «Огненный танец», после чего вы с Клермонт станцуете вальс?

- Эста, – зашипел Стефан, – не вздумай. Raben Tuere не для тебя.
- Почему же? Это национальная традиция.
- Это опасно. Ты не чувствуешь энергию.
- Этот танец опасен? – переспросил Урджин.

«Да!», «Нет!», – одновременно ответили Стефан и Эста.

Урджина такой поворот событий слегка отрезвил. Только сейчас он стал соображать, что на самом деле происходит. Отказать Эсте – значит прилюдно унижить жену, позволить ей танцевать – подвергнуть опасности, и какой именно, он пока не знал.

- Эста поняла, что Урджин в замешательстве, и взяла инициативу в свои руки.
- Зафир, ты не дашь мне свои пульсары?
- Может, не следует, Эста?
- Пульсары, Зафир! – зашипела она и протянула руку.

Он достал из кармана два маленьких полупрозрачных камешка и вложил их в ее ладонь.
– Я надеюсь, ты понимаешь, на что идешь.

Эста поднялась, наклонилась к Урджину и тихо сказала:

– Raben Tuere, или «Огненный танец» жена танцует для своего мужа. Любовь супруга в этом танце ассоциируется с пламенем, способным испепелить женщину, если мужчина того захочет. Стефан, – обратилась Эста к брату, – для меня будет честью станцевать под твоё сопровождение.

Стефан только кивнул, и, встав из-за стола, направился к музыкантам.

Перед тем, как выйти в центр банкетного зала на свободную от столиков площадку, Эста отдала несколько распоряжений управляющему. Он вежливо кивнул и тут же исчез.

Урджин сел за стол и приготовился смотреть.

– Raben Tuere! – громко объявила Эста, и свет в зале погас.

В тишине раздался первый удар барабана. Зрители обернулись на звук и увидели Стефана, стоящего в углу зала. Через плечо молодого человека был переброшен ремень, на котором висел огромный ударный инструмент. Стефан взметнул барабанную палочку вновь, затем еще раз, и через несколько мгновений публика уловила четкий медленный ритм.

Хлопок прорезал слух зрителей, и центр зала озарился ярким голубым светом. Эста стояла прямо в нем на одной ноге. Вторая была согнута в колене и вывернута в бок. Голову Эста склонила, а руки подняла, соприкасаясь ладонями в воздухе, будто вознося молитву. Прямо над ней зависли два голубых пульсара, похожие на небольшие шаровые молнии. Эста подняла голову и развела руки в стороны. Пульсары последовали вслед за руками.

В потоке голубого свечения наряд Эсты играл всеми цветами радуги. Она была похожа на звезду, сошедшую с неба и несущую свой свет людям, как дар, ниспосланный свыше.

– Она всегда была Sulline, – тихо сказал Зафир.

– Что это значит? – не отрываясь от жены, спросил Урджин.

– «Небесное создание».

– Это имя подходит ей.

– Так ее называл отец, – пояснил Зафир и глубоко вздохнул.

Урджин не стал продолжать разговор. Он был крайне заинтересован увиденным и переполнен волнующим ожиданием предстоящего.

Эста начала двигаться под ритм, задаваемый Стефаном. Руки плавно и быстро перемещались в воздухе, выписывая затейливые фигуры оставляющими след пульсарами. Сделав несколько шагов в сторону, Эста припала на одно колено и, закрутившись на месте, дугой выгнула спину. Пульсары оказались прямо над ней, погружая тело в огненную спираль. Эста развела руки – и пульсары последовали вслед за ними.

Стефан увеличил темп. Девушка взмахнула руками, и голубые шары поднялись высоко над ней. Она сорвалась с места и стала быстро перемещаться по залу, выполняя причудливые, но очень красивые движения, окружая себя волшебными линиями смертельного голубого свечения. Казалось, будто движения ее непринужденны и произвольны, а огненные линии – просто иллюзия, с которой она играет. Однако олманцы прекрасно знали, что лишь одно неверное положение рук способно столкнуть пульсары в воздухе, что неизбежно испепелит танцовщицу на месте.

Наконец танец и ритм достигли кульминации. Эста закружилась по залу, словно волчок, а затем вдруг остановилась и направилась к выходу, продолжая играть с огоньками. Аккуратно огибая столик за столиком, она пересекла банкетный зал, прошла через холл и вышла на улицу через предварительно распахнутые управляющим двери.

Стефан последовал за Эстой. Урджин поднялся первым, и, едва поспевая за женой, вышел вслед за ней. Через минуту во дворе собралась толпа приглашенных, замороженно наблюдавшая за красивыми огоньками, летающими в воздухе.

С последними ударами барабана Эста остановилась. Взмахом одной руки она подбросила в воздух сначала один пульсар, а за ним и другой. Где-то высоко они встретились. Голубое свечение исчезло, а через мгновение раздался оглушительный треск. Вспышка молнии на секунду осветила ночное небо и всех вокруг, погаснув также быстро, как и появилась. Гости от неожиданности припали к земле. Стефан, оставшийся стоять, громко засмеялся и зааплодировал сестре. К нему присоединились хлопки Зафира и Камилли. Вскоре овации заглушили изумленные возгласы.

Урджин приблизился к Эсте, стоявшей немного поодаль. Она все еще не могла отдышаться. Заученные наизусть движения были отточены до совершенства, однако привыкнуть к постоянному эмоциональному напряжению она так и не сумела. Пульсарами способны были управлять только олманцы, благодаря умению произвольно излучать энергию и перемещать с помощью нее шаровые молнии. Однако те же олманцы контролировали движения руками интуитивно, управляя энергетическими потоками на уровне подсознания. Ей же пришлось научиться выполнять этот трюк вслепую. Все еще погруженная в свои мысли, она и не заметила, как Урджин приблизился к ней.

– Неужели гордость может быть дороже жизни, Эста?

– Может, если дело касается моей гордости и моей жизни.

С этими словами она отвернулась от него и направилась обратно в зал. Ему ничего не оставалось, как пойти следом.

Эста вернулась к столу и заняла свое место. Урджин присел рядом.

– Кажется, ты хотел станцевать вальс с Клермонт? – напомнила Эста. – Не стоит заставлять даму ждать.

– Зачем ты это делаешь?

– Что именно, Урджин? – Она повернулась к нему лицом. – Приглашаю на первый танец бывшего любовника вместо мужа?

– Нет, ты просто развлекаешься с ним на глазах у всех приглашенных.

– С кем? – не поняла Эста.

– С Зафиром!

– Что? Зафир мой любовник? Какой бред, Урджин!

– Он влюблен в тебя.

– Ты ничего о нем не знаешь, чтобы судить.

– Я увидел достаточно. Что это за «небесное создание»? Или тебе больше по душе Sulline? И что он такого тебе показал, что ты даже не обратила внимания на то, что я к тебе обращаюсь?

– Я показал ей это, – прозвучал голос Зафира из-за спины Урджина.

– Не смей! – приказала Эста, но было слишком поздно.

Рука Зафира коснулась Урджина, и видение старой дгорающей деревни возникло перед ним. Окровавленные тела, изрезанные каким-то зверским способом, внутренности, разбросанные повсюду. И из дыма выходит босая девушка с ребенком на руках. Она одета в изодранные штаны и рубаху, измазанные грязью и кровью. Фиолетово-черные, до пояса, волосы спутаны. Синие глаза не оставили сомнений: это была шестнадцатилетняя девочка, на которой он отказался жениться и которую видел недавно в белом подвенечном платье.

Эста едва могла идти. Ноги утопали в грязи, нести ребенка ей явно было тяжело, но она продолжала свой путь навстречу ему. Вдруг с разных сторон к ней побежали люди в черно-зеленых костюмах и масках. Они окружили ее, забрали ребенка и попытались увести с собой, но она упала на колени, собрала в ладони пропитанную кровью землю, поднесла ее к лицу и зарыдала.

– А теперь тебе пора танцевать, Урджин, – раздался голос Зафира.

Видение растворилось в воздухе, и Урджин обернулся к Зафиру.

– Что же ты за человек такой? Это ее день, ее праздник, и именно сегодня тебе нужно было показать ей это?

– Она никогда об этом не забывает.

– Тогда зачем снова напоминать?

– Главное другое, Урджин.

– Что?

– Почему она позволила мне взять себя за руку?

Урджин испытал непонятную боль внутри. Она защемила где-то в груди, сжимая ее и не давая возможности вздохнуть.

– Наверное, по той же причине, по которой ты пригласил Клермонт на вальс? – ответил за него Зафир. – Подумай об этом, Урджин, – бросил напоследок олманец и отошел в сторону.

– О, вы так прекрасны, Клермонт, что не пригласить вас на танец я просто не могу!

Урджин, Эста и Клермонт, которая только что подошла к столу, удивленно посмотрели на Зафира.

– Вы же не откажете заморскому гостю в одном танце? – продолжал настаивать Зафир.

– Но я обещала танец наследнику, – попыталась возразить Клермонт.

– Я не обижусь, – поспешил заверить ее Урджин. – Тем более у меня разболелась голова, и я предпочел бы просто посидеть.

Клермонт вежливо улыбнулась и протянула руку Зафиру. Урджин с облегчением выдохнул и повернулся к Эсте.

– Не знал, что олманцы танцуют вальс.

– Ты вообще ничего о нас не знаешь, – парировала она.

Это была последняя фраза, которой они обменялись за остаток вечера. К столу все время кто-нибудь подходил, и Урджин с Эстой были вынуждены вести бессмысленные вежливые разговоры с гостями.

Глава 5

Вечер завершился. Эста успела вернуться в свою комнату и принять душ, когда в смежную дверь влетел Урджин с непонятным выражением лица.

– Мы еще не все друг другу сказали! – едва ли не кричал он.

Она накинула халат на влажное тело и вышла к нему из ванной. Супруг стоял босой, в рубашке с распахнутым воротом, заправленной в темные штаны. Длинные волосы были распущены и непослушными прядями падали на лицо и плечи. Таким растрепанным она видела его впервые. Точно так же, как и он ее – с мокрыми волосами и в махровом халате, едва прикрывающем колени.

Урджин не собирался выяснять отношения, но, стоя в своей ванной комнате, он на миг представил Эсту и Зафира, занимающихся теми вещами, которыми не раз грешил сам с другими женщинами. И этого было достаточно, чтобы ярость закипела в нем. Эста вроде и была его женой, но только формально. Женщина, с которой он никогда не имел интимных отношений, перед которой не становился на одно колено, чтобы предложить свое сердце и руку, – вот кем была Эста.

Но она предстала перед обществом как его избранница и поэтому должна принадлежать только ему. Ее собственное мнение на этот счет его нисколько не волновало. Поэтому он хотел расставить все точки над «и» сию же минуту, пока еще не стало слишком поздно, и клеймо позора не очернило его имя.

Ревность. Он знал это слово. Но было так непросто признаться себе самому, что он впервые в жизни испытывает подобное чувство. Он никогда никого не ревновал, даже Клермонт. Был уверен в себе и своих способностях удержать женщину рядом. Но теперь не знал, что и думать, потому что действительно впервые в свои двадцать восемь лет испытал это чувство. И к кому? К собственной жене, с которой знаком всего неделю. Что могло волновать его в тот момент, когда он увидел ее с мокрыми волосами, выходящую из душа, больше, чем это? Только то, что злость куда-то улетучилась, и острое желание обладать этой женщиной немедленно застлало разум.

О чем думала Эста? О его губах. В голове возникли образы нежных, мягких прикосновений, и вопреки здравому смыслу, очень захотелось, чтобы он поцеловал ее сейчас. Эста покраснела и, дабы не выдать свои мысли, повелительным тоном отчеканила:

– Ты выбрал не самое подходящее время для беседы.

– Я буду говорить с тобой тогда, когда сочту необходимым.

– Если ты собираешься врываться ко мне в комнату без стука и предупреждения посреди ночи и дальше, я забаррикадирую этот проклятый проход!

– Это твое право. Но к своей жене я смогу войти и через коридорную дверь.

– Ты слишком многое себе позволяешь!

– А ты нет? Может, это я пытался ударить тебя хрустальными статуэтками? Я кричал на тебя и оскорблял в присутствии брата и сестры? А нет, постой, это я усадил своего «друга» рядом с собой за стол и весь вечер флиртовал с ним?

– Не смей меня осуждать! Ты ничего не знаешь обо мне и Зафире. Я никогда ни с кем не флиртовала, тем более с ним!

Урджин ринулся к ней и схватил за плечи.

– Тогда что это было сегодня? – Он несильно потряхнул ее.

Запас сил Эсты иссяк. Будь перед ней кто-нибудь другой, она бы вырвалась из его рук и выставила за дверь, ничего не объясняя. Но это был он, и в его руках, несмотря ни на что, ей было тепло и уютно. И губы, о которых она думала, теперь оказались совсем близко. Во рту у Эсты пересохло, а по телу разлилась незнакомая нега, застрявшая где-то внизу живота.

- Что ты делала? – повторил Урджин тихим, охрипшим голосом, глядя в ее синие глаза.
- Я просто не хотела, чтобы мой друг чувствовал себя таким же одиноким, как и я, – прошептала она.

Урджин сглотнул комок, застрявший в горле. «Одинокая». Это слово выражало так много эмоций. Но теплилась ли в ней хоть малая часть тех странных ощущений, которые все эти дни испытывал он? Он подступил еще ближе, протянул левую руку и положил ее на затылок Эсты. Пальцы запутались во влажных волосах. Она попыталась вырваться, но слишком неубедительно, чтобы он ее отпустил.

- Ты моя жена, и на твой поцелуй я имею право.
- Я не стану целовать тебя.
- Это мы еще посмотрим...

Урджин закрыл глаза, наклонился к ее лицу и мягко, едва касаясь, прикоснулся к ее губам. В одно мгновение ему захотелось получить от нее несоизмеримо больше. Он широко раскрыл рот и с силой толкнулся языком вперед. Эста от неожиданности просто распахнула губы, и в следующее же мгновение он завладел ее ртом. Несмотря на жесткий прорыв, он целовал ее очень нежно, лаская своим языком. Эти новые, совершенно незнакомые чувства трепета и теплоты, источником которых был, несомненно, Урджин, заставили глаза Эсты закрыться. Урджин играл с девичьим ртом, покусывая теплые губы. Время остановилось для него, но поцелуй все равно показался слишком мимолетным.

Оторвавшись от сладости ее рта и проведя напоследок по нижней губе языком, Урджин взглянул на объект своих желаний. Вот такой, как сейчас, она казалась ему совершенно беззащитной.

Эста не открывала глаз. Урджин запустил вторую руку в фиолетово-черные блестящие локоны и зарылся в них лицом. Этот ее аромат, который сейчас он чувствовал особенно остро, заставил его сердце колотиться быстрее.

- Я хочу тебя.

Урджин и сам не поверил, что произнес это вслух, потому замер в ожидании язвительного ответа.

- Ты же говорил, что такая, как я, не сможет затащить тебя в постель?
- Я тебе врал.

Она не успела придумать ответ, потому как он быстро отстранился и направился к выходу. Сейчас Урджин ясно осознавал, что только что признал ее власть над собой, предоставив возможность нанести последний удар по его самолюбию.

- Урджин, – окликнула его Эста почти у самой двери.

Он оглянулся.

- Ты первый мужчина, который поцеловал меня.

Урджин опустил голову и улыбнулся сам себе.

– Этот брак обещает быть не таким уж и обыденным, малыш... – ответил он и закрыл за собой дверь.

Утро выдалось пасмурным и мрачным. Такое же настроение царило и в душе у Эсты. Никто не разбудил ее, и теперь она лежала на кровати и гадала, который сейчас час. Когда и лежать уже не осталось сил, она заставила свое брренное тело оторваться от перины и сходила в душ. Затем снова вернулась в комнату и критическим взглядом окинула пространство вокруг. Тренироваться желания не было, и Эста приняла решение позавтракать.

Она вышла из спальни в коридор и направилась к лестнице, ведущей на первый этаж. Ее внимание привлекли доносившиеся издали мужские голоса. Она не смогла разобрать слов, но узнала голос Урджина. Тот явно был рассержен и буквально кричал на собеседника. По мере того, как Эста шла по коридору, голоса становились все громче, а слова обретали смысл.

– Нравится тебе это или нет, но я должен защищать ее интересы! – кричал Урджин.

– Ответственность? – так же громко возмутился Фуиджи. – Она никто для нас! Дикарка, вылезшая из какой-то дыры и возомнившая себя значимой персоной. Это сейчас она сидит тихо и не высовывается, но поверь на слово, завтра она начнет шарить по кабинетам и рыть носом землю. А потом прыгнет в твою постель и окончательно запудрит тебе мозги.

– А я-то думал, что к выходке Лу ты можешь быть непричастным. Это ведь был твой приказ? Ты столько распинаясь о моем долге перед империей, а на самом деле пытался отделаться от олманцев не меньше, чем я, только своими методами.

– Не тебе меня судить. Я – император, и ты поступишь так, как я велю.

– Я вынесу вопрос о зачистках.

– Ты что, уже переспал с ней?

– Это тебя не касается.

– Ха, меня все касается, и твоя постель в особенности. Ничего, наиграешься и бросишь. Так всегда бывало. Пусть только наследника родит, а там может катиться на все четыре стороны.

– За что ты так ее ненавидишь?

– Во мне нет ненависти. Я опытен и вижу в этой девице не только фасад, по которому ты слюни пускаешь, но и мозги. И запомни, если дело коснется интересов ее империи, она предаст и тебя, и твой народ. Это заложено в ней с детства. В шестнадцать лет ей хватило ума стерпеть все оскорбления и принять этот союз. Это была жертва, которую она, не задумываясь, принесла своему народу. Она любит Олманию, и Олмания для нее всегда будет на первом месте.

– Эти дети ни в чем не виноваты.

– Вопрос не в детях, а в политике. Если ты повернешься к олманцам лицом, они насядут сверху и втянут нас в междоусобицу. Пускай свои проблемы решают сами. А эту девку, на твоём месте, я бы из постели не выпускал. Пользуйся, она слова не скажет. Все-таки раздвигать ноги перед тобой – ее прямая обязанность.

Дверь в конце коридора неожиданно распахнулась, и из нее вышел Урджин. Эста в ужасе зажала ладонью рот. Он увидел ее и остановился как вкопанный.

– Эста?

Вслед за ним вышел Фуиджи. Немая сцена длилась недолго. Эста ринулась с места и вплотную подошла к императору.

– Я не ударю вас только потому, что вы император и отец моего мужа.

Она развернулась и побежала к себе. Влетев в комнату, схватила свои мечи и направилась обратно. Урджин поймал ее в дверях и буквально втолкнул обратно в спальню.

– Куда ты собираешься?

– Не беспокойся, я не покину Доннару.

– Ты подслушивала нас?

– Нет, но вы так громко кричали, что не услышать было практически невозможно.

– Извини, мне следовало подумать об этом.

– Не стоит. Знаешь, что самое неприятное? То, что твой отец прав. Во всем. Моя обязанность перед тобой – раздвигать ноги.

– Ты несешь чушь.

– Почему же? Хочешь? Я сейчас же могу это для тебя сделать. Ты только скажи, не стоит все усложнять. Хочешь?

– А чего хочешь ты?

– Я? – удивилась Эста. – Это опасный вопрос, Урджин. Чего хочу я, меня никто никогда не спрашивал, посему и сама себе этот вопрос я никогда не задавала. Чего я хочу? – повторила она. – Наверное, снять с себя это бремя, с которым мы оба родились. Но ведь это не в моей

власти, да и не в твоей тоже. Так что можешь переспать со мной, если хочешь, а если нет – позволь выйти отсюда.

– Неужели ты веришь, что я стану принуждать тебя к чему-либо?

Эста посмотрела ему в глаза и прочла в них ответ на вопрос. Нет – он бы никогда этого не сделал. Отчего-то ей стало немного легче, и она спокойно произнесла:

– Раньше я верила в то, что «нет», Урджин, а теперь знаю наверняка.

– Мне тяжело видеть тебя такой.

– Какой «такой»?

– Расстроенной.

Он протянул к ней руку и коснулся губ. Затем сделал шаг вперед, склонился к ее лицу и замер. Он ждал встречного порыва. Маленького движения навстречу, по которому можно было бы понять, что она тоже хочет этого. Эста подняла руку и провела пальцем по его губам. Затем привстала на цыпочки и коснулась его губ своими, запечатлев на них совершенно невинный поцелуй.

Она вроде бы ничего особенного не совершила, но ощущение было таким, будто она подарила ему маленькую часть себя. И дар этот согрел его больше, чем солнце в погожий день. Урджин обхватил голову жены ладонями и коснулся ее так же, как и она его.

Эста отстранилась. Глаза ее были широко раскрыты, и в них застыло неизвестное Урджину выражение. Ничего не говоря, она швырнула свои мечи на пол. Урджин вопросительно поднял бровь.

Она приблизилась к нему, и, обхватив ладонями лицо, впилась в сочные мужские губы. Урджин, который никак не ожидал такого напора, едва не потерял равновесие.

Эста исследовала его рот с особой настойчивостью, вкушая мягкие губы и сплетаясь с его языком. Руки Урджина без его ведома спустились по ее спине и, стиснув, словно тиски, округлые формы, прижали ее к своему телу. Эста, которая каким-то краешком сознания поняла, что именно упирается ей в живот, тихонько застонала. Урджин поднял ее бедра в воздух. Она обвила его ногами, и в следующее же мгновение оказалась прижатой к стене. Он всем телом ощущал ее дрожь. А едва уловимые стоны, когда он бесстыдно терся о нее, только усиливали голод. Как же он хотел эту женщину! Сейчас. Сию же минуту. Достаточно было всего лишь расстегнуть ее брюки, и он бы погрузился в вожделенное тело так, как сотни раз до этого представлял в своем сознании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.